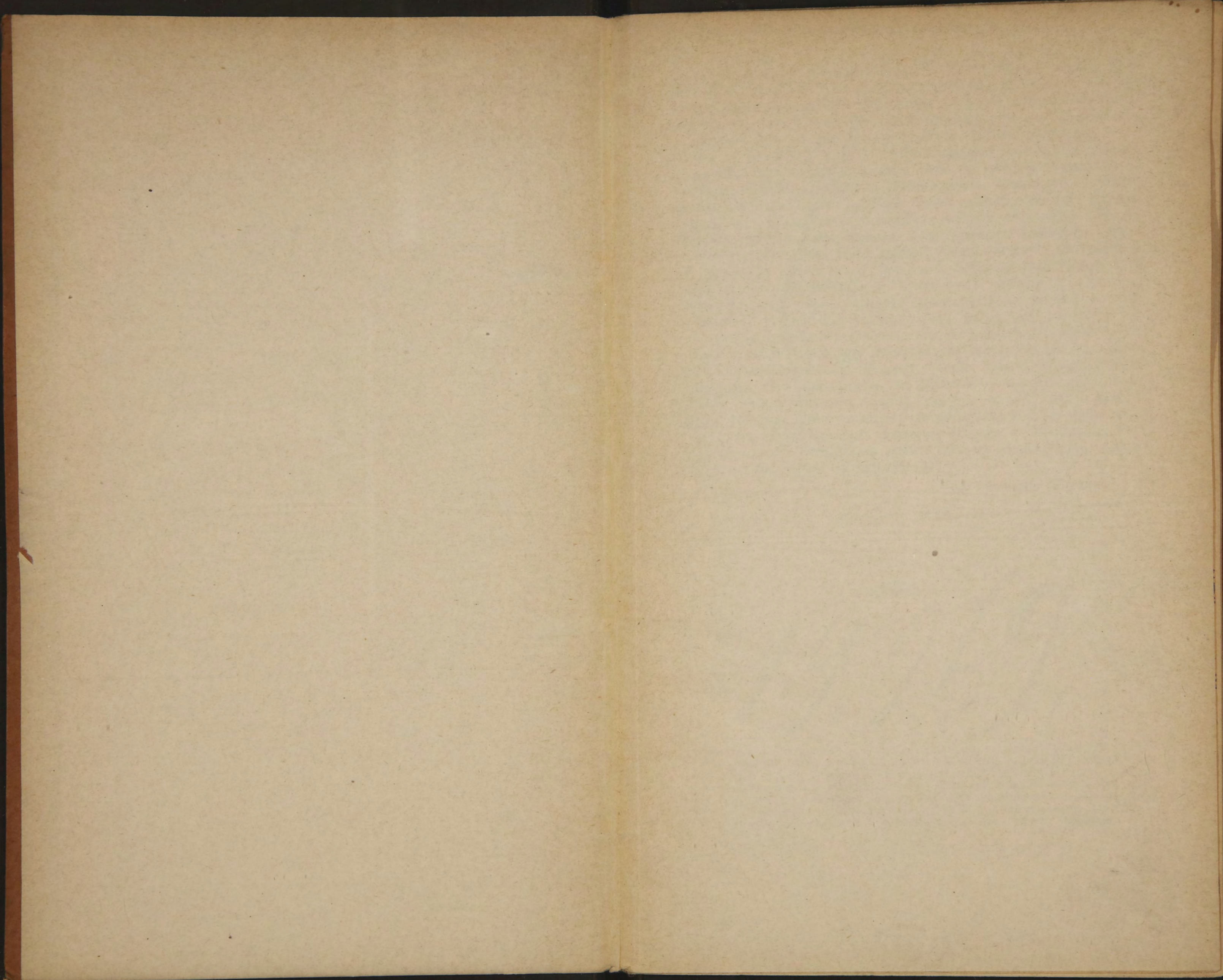
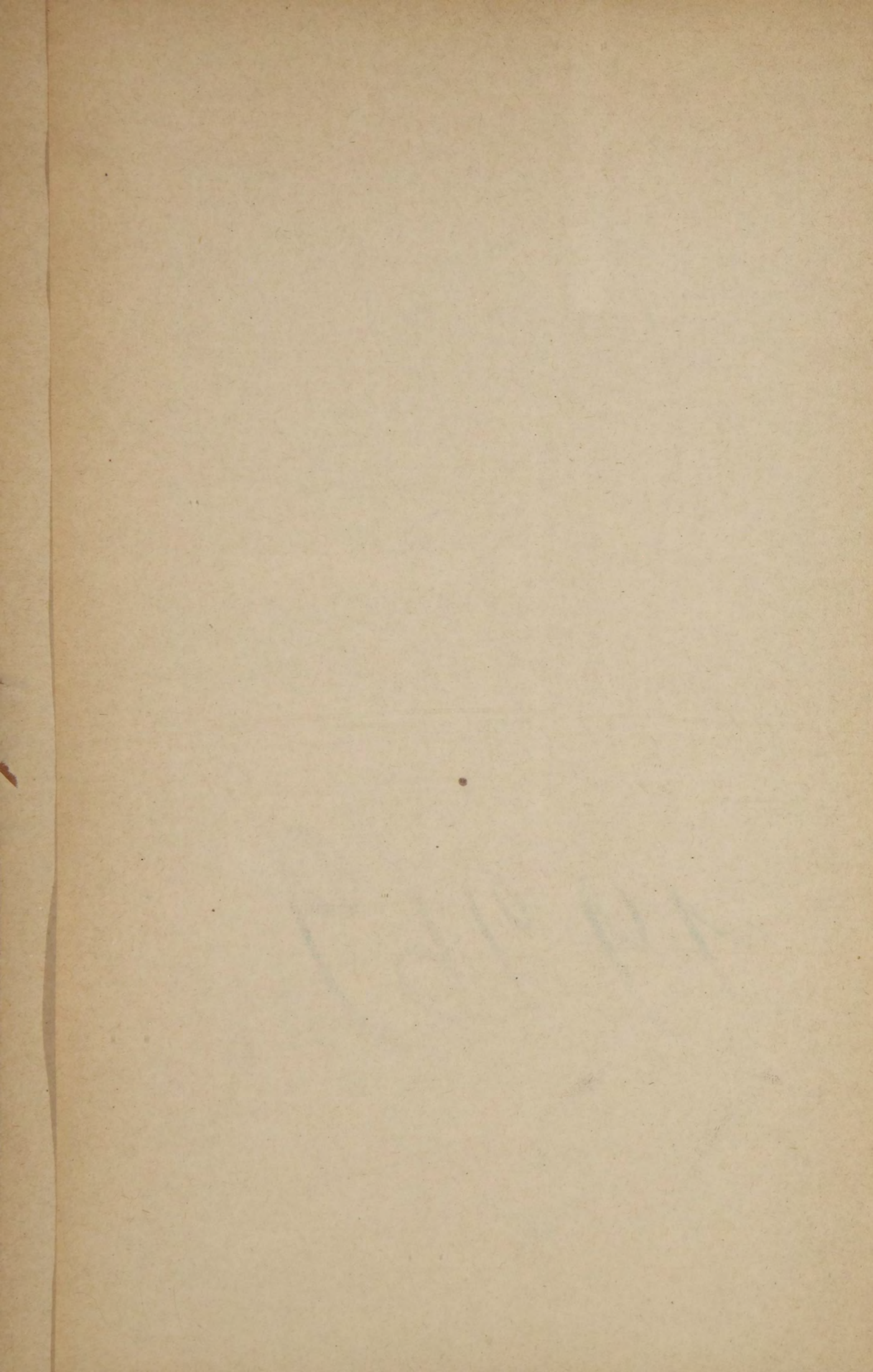

19269

картину общественныхъ нравовъ, создаетъ художественные типы, взятые изъ той или другой социальной среды; второй слѣдитъ за развитіемъ характера, даетъ намъ исторію человѣческой души, или развертываетъ передъ нами картину того или другого психологическаго процесса. Здѣсь невольно напрашивается сравненіе съ тѣми видами научнаго творчества, о которыхъ я упомянулъ выше. Главнымъ достоинствомъ художественнаго произведенія является его типичность. Вотъ что говоритъ по этому поводу Бѣлинскій: «Однимъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ творческой оригинальности или, лучше сказать, самого творчества состоитъ въ томъ типизмѣ, или можно такъ выразиться, который есть гербовая печать автора»¹⁾. Это само собою понятно. Если искусство выдвигаетъ самыя главныя и существенныя черты явленія, типизмъ является его характерною чертою. Въ самомъ дѣлѣ, что такое художественный типъ? «Для поэта, — говоритъ Бѣлинскій, — не существуютъ дробныя и случайныя явленія, но только одни идеалы или типическіе образы, которые относятся къ явленіямъ дѣйствительности, какъ роды къ видамъ и которые, при всей своей индивидуальности и особенности, заключаютъ въ себѣ всеобщія родовыя примѣты цѣлаго ряда предметовъ въ возможности, выражающихъ собою одну извѣстную идею. И потому каждое лицо въ художественномъ произведеніи есть представитель безчисленнаго множества лицъ одного рода.»²⁾ Такимъ образомъ, создать художественный типъ это значитъ уловить тѣ общія черты характера, которыя связываютъ во-едино цѣлую группу лицъ извѣстнаго класса общества. Но чѣмъ же такая задача отличается по существу отъ задачи ученаго, который устанавливаетъ единство типа для цѣлой группы явленій природы?

Л. Сѣверовъ (Радинъ).

(Окончаніе слѣдуетъ).

19.269.

индивидовъ, не останавливаясь на болѣзненныхъ и аномальныхъ процессахъ. Это не мѣшаетъ намъ, однако, признавать Шекспира великимъ знатокомъ человѣческаго сердца, считая его по преимуществу художникомъ-психологомъ. Наоборотъ, романы Золя или Диккенса мы назовемъ, конечно, социологическими, такъ какъ они рисуютъ намъ широкую картину общественной жизни. Очевидно это дѣленіе основано на преобладаніи того или другого элемента въ творческой дѣятельности художника и конечно можетъ быть только условнымъ.

¹⁾ Соч. I, 227.

²⁾ Соч. IV, 269.

19269

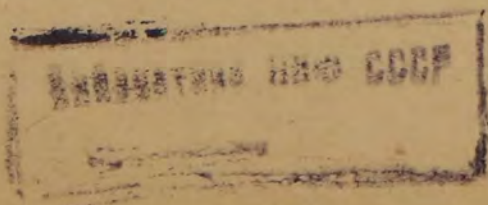
К

В о б а н ъ.

Судьба Вобана въ литературѣ очень любопытна. Онъ сразу попалъ въ нѣсколько областей. Историки литературы отмѣчаютъ въ немъ представителя литературной оппозиціи при Людовикѣ XIV; историки экономическихъ *доктринъ* не могутъ обойти его потому, что онъ одинъ изъ первыхъ отступилъ отъ меркантилистской традиціи; курсы общей исторіи посвящаютъ ему много мѣста, какъ заслуженному воину, военному инженеру съ плодотворной дѣятельностью; иногда говорятъ и объ оппозиціонномъ направленіи Вобана. Но нигдѣ мы не встрѣтили выясненія значенія книги Вобана для характеристики его вѣка, нигдѣ не отмѣчено въ высшей степени интересное съ этой точки зрѣнія противорѣчіе между его политическими убѣжденіями и планами финансовой реформы. Ближайшей цѣлью настоящей статьи будетъ попытка освѣтить вопросъ съ этой точки зрѣнія. Конечно, при этомъ нельзя будетъ обойти и другихъ сторонъ его дѣятельности. Вобанъ вполне дитя своего вѣка, и пониманіе его личности и его книги возможно только при знакомствѣ съ историческими условіями вѣка Людовика. Наибольшее вниманіе придется обратить на финансовую организацію Франціи того времени со всѣми ея слѣдствіями культурнаго и соціального характера.

I.

Въ феодальную эпоху доходами государства были доходы короля. Правительственная казна наполнялась тѣми суммами, которыя получались съ правительственныхъ доменовъ. Одна изъ установившихся нормъ публичнаго права гласила, что обычныя государственныя нужды должны покрываться на средства хозяина государства, какимъ считали короля. Къ народу обращались только въ томъ случаѣ, когда являлась необходимость въ усиленныхъ расходахъ, на которые королевскихъ ресурсовъ не хватало. А такъ какъ въ феодальный періодъ война главнымъ образомъ поглощала государственные доходы, то вошло въ обычай просить у народа субсидій королю именно на военные цѣли. Такія ассигновки были совершенно не обязательны съ точки зрѣнія государственно-правовыхъ нормъ того времени, и на нихъ смотрѣли какъ на *don gratuit*, добиваться котораго королевской власти приходилось иногда путемъ значительныхъ уступокъ.

43715

Первое значительное измѣненіе въ этой системѣ было произведено ордоансомъ Карла VII—2-го ноября 1439 г. Подъ давленіемъ обострившихся военныхъ нуждъ генеральные штаты отказались отъ періодической санкціи налога, и онъ сдѣлался постояннымъ. Съ этихъ поръ король собственною властью могъ облагать страну. Первоначально этотъ налогъ — *taille royale permanente* шелъ исключительно на содержаніе арміи ¹⁾).

Этотъ моментъ можно считать поворотнымъ пунктомъ и въ конституціонной исторіи Франціи, потому что теперь ежегодный созывъ представителей народа дѣлается излишнимъ, и король съ этихъ поръ становится все болѣе и болѣе самодержавнымъ. Феодалному порядку ордоансомъ 1439 г. нанесенъ также сильный ударъ: бароны лишились своего давняго права обложенія, права получать «помощь» отъ своихъ вассаловъ, бывшаго до тѣхъ поръ одной изъ существенныхъ феодальныхъ привилегій.

Въ системѣ обложенія послѣ 1439 г. водворилась большая путаница. Пока доходы государства получались только съ королевскихъ доменовъ, финансовое управленіе было крайне просто, но когда прибавился новый фондъ, который шелъ на тѣ же цѣли, что и первый, но который собирался въ особую казну — происходило много недоразумѣній. Это продолжалось вплоть до вступленія на престолъ Франциска I-го. Въ 1522 и 1523 гг. были изданы ордоансы, которые уничтожали разницу между тѣми и другими доходами государства и сосредоточивали ихъ въ Луврѣ въ рукахъ новаго чиновника — *trésorier d'épargne* ²⁾).

1439 и 1522—23 годы — главные моменты первоначальной исторіи развитія финансоваго управленія во Франціи. Его дальнѣйшій ходъ вплоть до созданія въ 1695 году поголовнаго налога не ознаменованъ никакимъ новымъ принципомъ. Увеличеніе числа и цифры налоговъ и постоянное, хотя и медленное усиленіе обложенія — вотъ характерныя черты промежутка времени между царствованіями Франциска I и Людовика XIV.

Наша характеристика положенія финансовъ относится къ первымъ годамъ XVIII в. до появленія вобановой *Dîme Royale*.

Какъ извѣстно, въ административно-податномъ отношеніи Франція дѣлилась на *pays d'Etat* и *pays d'Election*, изъ которыхъ первыя пользовались правомъ самостоятельной раскладки и самостоятельнаго сбора податей лишь подъ контролемъ правительственныхъ чиновниковъ, вторыя подчинялись королевскому совѣту — *élection*, въ которомъ, впрочемъ, выборный принципъ давно сдѣлался анахронизмомъ и всѣ мѣста отдавались на откупъ ³⁾).

1) Clamagérant. Histoire de l'impôt en France, t. I, pp. 483—493. Любопытно, что ордоансъ не говоритъ прямо о прекращеніи періодическаго утвержденія штатами налога. Это должно было считаться естественнымъ результатомъ установленія постоянной арміи.

2) Bailly. Histoire financière de la France, t. I, p. 216 ss. У Кламажерана объ этомъ вскользь, t. II, pp. 135—136.

3) Существовали еще *pays conquis* — завоеванныя провинціи, но для насъ онѣ не существенны, такъ какъ въ каждой держались нормы, господствовавшія тамъ до ихъ завоеванія.

Финансовая наука различаетъ два рода государственныхъ доходовъ — частно-правовые и общественно-правовые. Къ первымъ, строго говоря, относятся только домены, или государственныйя имущества, ко вторымъ — регалии, пошлины и налоги. Разсмотримъ по порядку тѣ и другіе, какъ они сложились въ интересующую насъ эпоху.

Государственныйя имущества распались на *grand domaine*, *petit domaine* и *domaine casuel* ¹⁾. *Grand domaine* состоялъ изъ недвижныхъ владѣній короны: земель, замковъ, всяческихъ угодій и т. п. — статья, доходъ съ которой постоянно уменьшался благодаря всякаго рода хищеніямъ и отчужденіямъ, практиковавшимся вопреки установившемуся праву. *Petit domaine* — это доходъ съ принадлежащихъ коронѣ пустопорожныхъ мѣстъ, охотъ, рыбныхъ ловель. Сюда же относились сборы феодальнаго происхожденія, поступавшіе коронѣ, какъ сеньеру и облагавшіе пользование ея имуществомъ. *Domaine casuel* давалъ королю право наследовать всякаго рода выморочныя имущества и предоставлялъ ему феодальные сборы, облагавшіе всякое измѣненіе имущественнаго или семейнаго положенія ²⁾.

Изъ регалій необходимо упомянуть о монетной, почтовой и каретной, т. е. о регальномъ правѣ короны перевозить пассажировъ по всѣмъ путямъ сообщенія.

Что касается до пошлинъ, то тутъ на первомъ мѣстѣ стоятъ такъ называемыя *droits d'enregistrements* ³⁾. Ихъ было три подраздѣленія. *Contrôle* — сборъ за внесеніе въ публичный регистръ краткаго содержанія актовъ, гарантирующее ихъ подлинность; *insinuation* — сборъ за внесеніе въ особый, находящійся въ завѣдываніи присяжнаго чиновника регистръ тѣхъ актовъ, которые могли имѣть интересъ для публики. Регистръ былъ постоянно открытъ для справокъ и представлялъ изъ себя нѣчто вродѣ періодическаго увѣдомленія о перемѣнахъ въ имущественномъ положеніи; *centième denier* — пошлина за купчую крѣпость; отъ нея освобождались переходы недвижимостей по завѣщанію или по брачнымъ контрактамъ. Къ пошлинамъ же относятся штемпельные сборы — *droit de formule*, позже *timbre*, учрежденные въ 1673 г., они взимались съ судебныхъ и нотаріальныхъ актовъ — оригиналовъ и копій, одинаково ⁴⁾.

Перейдемъ теперь къ налогамъ, которые ближе всего касаются нашей задачи. Вобанъ говоритъ главнымъ образомъ о нихъ, и мы разсмотримъ ихъ подробнѣе. Начнемъ съ прямыхъ.

Главный между ними — знаменитая *taille*, сдѣлавшаяся постоянной при Карлѣ VII. Она была двухъ родовъ. Въ *pays d'Etat* господствовала *taille réelle*, налогъ, падавшій исключительно на землю; въ *pays d'Electio*n — *taille personnelle*, которая облагала какъ доходъ съ земли, такъ и всѣ прочіе виды заработка; послѣдняя, въ томъ случаѣ, когда она взи-

¹⁾ Бржескій. Податная реформа. Французскія теоріи XVIII в. стр. 13. *Domaine* на языкѣ того времени означало, какъ самыя имущества короля, такъ и доходъ съ нихъ.

²⁾ *Lods et ventes; quints et requints*. О происхожденіи феодальныхъ сборовъ см. I-й т. Кламажерана; подробное перечисленіе у М. М. Ковалевскаго. „Происхожденіе соврем. демократіи“, т. I, ч. I, гл. II.

³⁾ Stourm. *Les finances de l'ancien régime et de la Revolution*, t. I, pp. 394 ss.

⁴⁾ Stourm. *Ibid*, t. I, p. 445 ss.

малась съ недвижимыхъ имѣній, дѣлилась на *taille personnelle d'exploitation* и *taille personnelle d'occupation*, изъ которыхъ первая имѣла въ виду фабрики, рудники, заводы, вторая — дома съ пристройками. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о движимости или доходахъ съ промысловъ или занятій, принципомъ таксировки *taille personnelle* служили одни предположенія о размѣрахъ того и другого. Правительство ежегодно назначало общую сумму всѣхъ *tailles*, смотря по своимъ нуждамъ, и народъ долженъ былъ платить, чего бы это ни стоило; въ серединѣ года управляющіе окружными финансовыми бюро — *trésoriers de la France* увѣдомлялись о той суммѣ, которую ихъ округъ долженъ будетъ внести въ слѣдующемъ году; тѣ распредѣляли ее по волостямъ своего округа и отсылали списки правительству, которое провѣряло эту раскладку и въ ноябрѣ возвращало ихъ окружнымъ финансовымъ управленіямъ¹⁾. Тогда окончательно установленная цифра налога вновь распредѣлялась по волостямъ, и каждый волостной старшина долженъ былъ распредѣлить и по приходамъ. Послѣдняя раскладка между жителями прихода поручалась спеціально для этого назначеннымъ людямъ, которые назывались *asséeurs* — раскладчиками. Для самой операции сбора привлекались люди изъ числа прихожанъ. Это — такъ называемые *collecteurs* — сборщики. Они всѣмъ своимъ имуществомъ отвѣчали за успѣшность сбора и поэтому, конечно, очень усердно старались о томъ, чтобы въ цифрѣ суммъ, предполагавшихся къ уплатѣ по смѣтѣ начальства, не оказалось минуса. При Людовикѣ XIV мы находимъ обѣ функціи, и раскладку, и сборъ, объединенными въ однихъ рукахъ. Название *asséeurs* исчезло, и слово *collecteurs* сдѣлалось оффиціальнымъ наименованіемъ приходскихъ мытарей²⁾. Но далеко не все население Франціи привлекалось къ уплатѣ *taille*. Духовенство и дворянство было юридически свободно отъ *taille réelle* и *taille personnelle d'occupation*, а фактически и отъ *taille personnelle d'exploitation*. Вообще, на практикѣ, всякій, кто былъ богатъ и пользовался вліяніемъ, могъ совершенно свободно не принимать разорительнаго участія въ уплатѣ тяжелаго налога³⁾.

Слѣдующимъ прямымъ налогомъ была поголовная подать, *capitation*, учрежденная 15 января 1695 года Поншартрэнномъ. Она должна была устранить необходимость постоянного обращенія къ *affaires extraordinaires* — внѣналоговымъ взиманіямъ, но не оправдала обѣщаній канцлера. Въ принципѣ новый налогъ долженъ былъ быть совершенно инымъ, чѣмъ *taille* и проч., изъятія, повидимому, здѣсь были невозможны; всѣ подданные королевства, начиная съ дофина, должны были платить и дѣлились на двадцать два класса, при чемъ принадлежавшіе къ первому платили по 2,000 ливровъ, ко второму — 1,500 ливр., а къ послѣднему 20 су. Но принципомъ дѣленія служили не исключительно имущественныя показанія, какъ естественно было бы ожидать, но и общественное положеніе. При-

¹⁾ Horn. L'économie politique avant les physiocrates, pp. 224—225.

²⁾ Stourm. O. C., т. I, 91, rem.

³⁾ Daire. Примѣчанія въ Collection des principaux économistes; т. I, p. 32. Не будетъ анахронизмомъ привести здѣсь слова одного изъ наказовъ 1789 г. On aura de la peine à croire, qu'il ait suffi, d'être riche pour devenir noble et de devenir noble pour cesser de payer: de sorte qu'il n'y a qu'un moyen unique d'échapper à l'imposition; c'est de faire fortune. Цит. у Stourm. O. c. I, 53.

вилегированная часть публики не замедлила поднять травлю противъ подобнаго распредѣленія тягостей, и налогъ былъ отмѣненъ послѣ Рисвикскаго мира въ 1697 г. Но съ началомъ войны за Испанское наслѣдство въ 1701 г. онъ снова явился на сцену, но уже въ видѣ, исправленномъ согласно воплямъ вельможныхъ плательщиковъ. Дѣленіе на классы тоже сдѣлалось привилегіей кровной, денежной и чиновной знати, а простой народъ долженъ былъ платить *capitation* пропорціонально цифрѣ *taille*. Этотъ маневръ перебросилъ $\frac{2}{3}$ всей подлежащей взиманію суммы на плечи *крестьянъ* ¹⁾.

Существовали еще мелкіе прямые налоги на промысловые доходы. Сюда относились *jurandes* и *maitrises*, впервые урегулированные при Людовикѣ XI ²⁾. При Людовикѣ XIV создавались все новыя и новыя статьи обложенія этой рубрики и неизмѣнно входили въ *affaires extraordinaires*, такъ что наряду со старыми промысловыми сборами явились сверхсмѣтные новыя ³⁾.

Перейдемъ теперь къ косвеннымъ налогамъ. Наука въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей давнымъ давно указала на ихъ несправедливость, на то, что они главною своею тяжестью падаютъ на неимущихъ. Извѣстный законъ Ангеля не допускаетъ въ этомъ отношеніи двухъ мнѣній. Разсмотрѣніе ихъ въ эпоху Людовика XIV покажетъ, какъ много правды даже въ наиболѣе рѣзкихъ тирадахъ по ихъ адресу, въ изобиліи встрѣчаемыхъ, напр., у Лассаля.

Главныхъ было три: *Gabelles*—соляной налогъ; *aides*—питейный акцизъ; *douanes* и *traites*—внѣшній и внутренній таможенный сборъ.

Основаніе соляной монополіи относится ко времени Филиппа VI. Ордонансомъ 20-го марта 1343 г. были учреждены казенные амбары, куда должна была стекаться соль изъ всѣхъ солеваренъ; завѣдываніе продажею лежало на королевскихъ агентахъ, и никто ни имѣлъ права покупать соль въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾. Этотъ налогъ пока былъ временнымъ; его повторяли многіе ордонансы Карла V, пока, наконецъ, знаменитый *ordonnance des Cabochiens* не включилъ его въ число доманіальныхъ правъ ⁵⁾. Съ этихъ поръ онъ быстро увеличивается, несмотря на ропотъ народа, и въ началѣ XVIII в.—это одинъ изъ наиболѣе проклинаемыхъ налоговъ ⁶⁾. Въ отношеніи *gabelles* Франція этой эпохи дѣлилась на двѣ неравныя части: *pays de grandes gabelles* и *pays de petites gabelles* ⁷⁾; всѣ первыя находились въ вѣдомствѣ главнаго откупа, вторыя отдавались на откупъ порознь. Разница въ цѣнѣ тамъ и тамъ, была громадная: Турэнъ платилъ 12 су, а сосѣдняя Пуату $1\frac{1}{2}$; Берри—12, соприкасаю-

1) Clamagérant. O. c. III, 31—99. Horn. O. c. 290—292. Stourm. O. c. I, 239.

2) Clamagérant. II. 30. Явились они раньше.

3) Clamegérant. III. 45, 104.

4) Ibid. I. 352—354.

5) Ibid. I. 494.

6) Un cri universel s'élève pour ainsi dire contre cet impôt. Necker у Стурма. I. 305.

7) Были еще *pays de salines*—приморскія страны, *pays redimés*,—откупившіяся отъ налога и *pays exempts*—совершенно свободныя отъ него, но цѣны тамъ мало отличались отъ тѣхъ, которыя были въ *pays de petites gabelles*. Всѣ эти провинціи назывались *franc-salé*.

щійся съ ней Лимузенъ — $1\frac{3}{4}$ ¹⁾). Была нормирована не только цѣна, самое потребленіе подверглось регламентаціи. По ордонансу 1680 г. каждый свыше 17-тилѣтняго возраста долженъ былъ ежегодно покупать 7 фунтовъ соли; даже съѣдать можно было не иначе, какъ изъ «горшка и солонки» ²⁾). Естественно, контрабанда пыталась сгладить разницу цѣнъ въ тѣхъ и другихъ провинціяхъ, и откупщикамъ приходилось много бороться съ нею ³⁾). Операція распределенія соли очень напоминала разверстку *taille*. Королевскій совѣтъ назначалъ сумму налога и объявлялъ интендантамъ и чиновникамъ каждого магазина ихъ долю; тѣ распределяли ее между приходами, приписанными къ магазину. А въ приходахъ сборщики составляли смѣту, принявъ во вниманіе число всѣхъ жителей. Представивъ бумаги, они получали соль и раздавали ее ⁴⁾).

Aides первоначально значило налогъ на потребленіе вообще, за исключеніемъ соли, выдѣленной въ особую рубрику. Такъ представлялъ себѣ дѣло, напр., ордонансъ 28-го декабря 1355 г. ⁵⁾). Ордонансъ 1436 г. уже разбиваетъ *aides* на двѣ группы: налогъ на напитки и налогъ на прочіе продукты ⁶⁾). Во второй половинѣ XV в. этотъ терминъ фиксируется въ исключительномъ примѣненіи къ напиткамъ ⁷⁾). Въ разсматриваемое время онъ существовалъ приблизительно въ двухъ пятыхъ страны, въ мѣстностяхъ, приписанныхъ къ Парижскому и Руанскому *cours des aides*—бюро по питейному акцизу; въ другихъ областяхъ они замѣнялись однородными обложеніями: *devoirs* въ Бретани, *équivalent* въ Лангдокѣ, *masphenig* въ Эльзасѣ. *Aides* составлялись изъ многихъ налоговъ: *droit des gros*—пятипроцентнаго сбора съ оптовой продажи, къ которому присоединялось *augmentation* (31 сант. съ гектолитра); *droit de huitième*—обложенія розничной продажи; такса съ распивочной продажи была выше, чѣмъ съ выносной; *droit de quatrième*, взимавшагося пропорціонально продажной цѣнѣ вина, распивочно или на выносъ безразлично; *octrois*—ввозныхъ пошлинъ въ главныхъ городахъ; *subvention*—дополненія либо къ сбору съ розничной продажи, либо къ *octrois* ⁸⁾). Цифра налога не оставалась постоянной. Первоначально она не превышала шестнадцатой доли цѣны напитковъ, затѣмъ постепенно повышалась до двѣнадцатой, восьмой, четвертой. А нѣкоторые дополнительные сборы довели ее до третьей. Буагильберъ даже рѣшается утверждать, что она нерѣдко превышала цѣну продуктовъ ⁹⁾). Таможенный сборъ довершалъ дѣло.

Внѣшнія таможенные пошлины были такъ высоки, что дѣлали вывозъ рѣшительно невозможнымъ. Въ Нормандіи, напр., мюидъ (18,72 декалитра) хлѣба облагался 66 ливрами, вина—25 ливр. Вывозъ шляпъ подвергся удвоенному обложенію; налогъ на игральныя карты и на трубки

¹⁾ Stourm. Finances de l'ancien regime et de la Révolution. I. 303.

²⁾ Taine. Ancien regime. 1876 г. 418.

³⁾ Stourm. Ibid. I. 304. Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. I. 193.

⁴⁾ Бржесскій. О. с. 21.

⁵⁾ Clamagérant. I. 361.

⁶⁾ Ibid. I. 478, 494.

⁷⁾ Horn. О. с. 246.

⁸⁾ Sourm. О. с. 325—326.

⁹⁾ Détail de la France II p., ch. 10, p. 194 ed. Daire (Collect. des princ. écon. t. I).

убилъ производство этихъ предметовъ ¹⁾. Одна только часть Франціи пользовалась свободной внѣшней торговлей. Это—такъ называемыя *provinces à l'instar de l'étranger effectif*, куда входили новозавоеванныя области—Эльзасъ, Лотарингія, Труазевеше (Три етиконства, т. е. Рейнская область) и города Жексъ, Байона, Марсель, Дюнкирхенъ и Авиньонъ ²⁾.

Гораздо больше вреда приносили внутреннія таможи. Вся страна, за исключеніемъ только что названной части, дѣлилась на *provinces des cinq grosses fermes* и *provinces réputées étrangères*. Ихъ положеніе было далеко не одинаково. Первая часть, въ которую входили центральныя и сѣверныя области—Ильдефрансъ, Орлеанэ, Бургундія, Берри, Пуату, Нормандія и Пикардія, имѣла болѣе легкій тарифъ (1664 г.), чѣмъ вторая, куда входили южныя области—Овернь, Лангдокъ, Ліонэ, Лимузенъ, Провансъ, Дофинэ и др. ³⁾. Каждая изъ провинцій была отдѣлена отъ сосѣдней цѣлымъ таможеннымъ барьеромъ, который затруднялъ обмѣнъ, губилъ промышленность, разорялъ населеніе. Жители Бургундіи, напр., могли купаться въ винѣ,—въ шести лье отъ ея границы оно было совершенно недоступно ⁴⁾. Еще больше путаницы вносятъ таможенные сборы внутри каждой провинціи. Существовало около 1,600 такъ называемыхъ *péages*—подорожныхъ сборовъ, принадлежавшихъ королю, сеньерамъ, аббатамъ и т. п. Никто не зналъ, сколько такихъ сборовъ, откуда они, гдѣ водворяются, какія права у тѣхъ, кто ставитъ свой *péage* на торговомъ пути ⁵⁾.

Вѣнцомъ произвола и гнета въ обложеніи были знаменитыя *affaires extraordinaires*—взиманія сверхъ обычныхъ рамокъ налога. Впервые эта мѣра была примѣнена при Карлѣ VIII, когда на походъ въ Италію 1484 г. не хватило денегъ ⁶⁾. Затѣмъ къ нимъ прибѣгали чаще, суммы доставляемыя ими дѣлались больше, пока войны Людовика XIV не сдѣлали ихъ столь же обычнымъ средствомъ, какъ и налоги. Первые серьезныя увеличенія въ этой рубрикѣ послѣ смерти Кольбера произошли въ 1688 г., когда разыгралась война съ аугсбургскою лигою ⁷⁾. Въ качествѣ средства для этого практиковалось отчужденіе доменовъ, продажа дворянскихъ грамотъ, выпускъ государственныхъ рентъ, а главнымъ образомъ продажа должностей и чиновъ. Въ 1695 г. была создана *capitation*, и *affaires* должны были прекратиться, но они только увеличились ⁸⁾. Къ концу XVII в. «они,—по выраженію Кламажерана,—обвились вокругъ налога, какъ растенія-паразиты вокругъ одряхлѣвшаго дерева, давили, душили его и торжествовали надъ нимъ повсюду» ⁹⁾. Достаточно прочесть краснорѣчивыя страницы у Вобана ¹⁰⁾, посвященныя описанію этого сорта взиманія или познакомиться съ глубокимъ разборомъ его у Буатльбера ¹¹⁾, чтобы понять, какимъ бичемъ были они для страны и для народа. Даруя дво-

1) Horn. 249 со словъ Буагильбера.

2) Stourm. I. 472.

3) Stourm, I. 471—472.

4) Horn. 251.

5) Stourm. I. 473.

6) Clamagérant. II. 83.

7) Bailly. II. 6—7.

8) Clamagérant. III. 45.

9) Ibid. III. 100.

10) Dime Royale, 54—56 (ed. Daire).

11) Factum de la France. ch. VIII.

рянство, напр., они освобождали много народа отъ *taille*, а сумма, которую платили раньше новые *annoblis*, падала на крестьянъ новой тяжестью.

Теперь разсмотримъ бюджеты Франціи отъ смерти Кольбера по 1705 годъ. Отъ 1683 г. до 1694 г. чистый доходъ колебался между 81.551,000 (1694) и 98.053,000 ливр. (1684). Средній—89.083,595 л. Расходы за это же время колебались между 91.086,000 л. (1686) и 176.495,000 л. (1693). Дефицитъ доходилъ до 92.243,000 (1693) и неизмѣнно покрывался посредствомъ *affaires extraordinaires*. Была издана *capitation*, *affaires* не были уничтожены и то, чтобы подвести балансъ для 1699 года (430.666,000 расходовъ и 55.084,000 приходу) кромѣ 350.039,000 *aff. extr.* понадобилось взять въ счетъ будущихъ лѣтъ 25.543,000. Затѣмъ явилась *dixième*, но никакіе доходы не могли покрыть гигантскихъ тратъ, все больше и больше возраставшихъ. Страна истощалась, народъ задыхался. Для иллюстраціи результатовъ политики послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XIV сравнимъ выдержки изъ бюджетовъ 1683 и 1715 годовъ ¹⁾.

	1683		1715
Чистый доходъ	97	мил.	69,730 мил.
Расходъ	99	»	132,834 »
Дефицитъ	2	»	63,094 »
Долги	27,915	»	711 »
Суммы изъ смѣтъ будущихъ лѣтъ .	16,353	»	177 » ²⁾

Всякіе комментаріи излишни. Можно себѣ представить, какъ приходилось извращиваться крестьянину, чтобы имѣть возможность выплатить всѣ эти громадныя суммы съ прибавкой еще церковной десятины и сенъеральныхъ повинностей, которыя, по словамъ Вобана ³⁾, отнимали у нихъ 2 су изъ ливра, т. е. 10⁰/о дохода. Чтобы картина экономическаго положенія народа сдѣлалась еще ярче, мы приведемъ вычисленія Вобана, показывающія, какъ группируются классы народонаселенія во Франціи ⁴⁾. Около десятой части его живетъ нищенствомъ. Изъ девяти другихъ—пять едва перебиваются; изъ четырехъ остальныхъ три обременены долгами и процессами и находятся далеко не въ блестящемъ положеніи. Послѣдняя часть, куда относятся всѣ привилегированныя, вся родовая, чиновная и денежная знать, можетъ считать не больше 100,000 семей, и изъ нихъ едва 10,000 живетъ въ полномъ довольствѣ ⁵⁾.

II.

Мы изложили дѣйствовавшую въ концѣ XVII в. финансовую систему, и уже изъ представленнаго нами сжатаго и далеко неполнаго очерка можно было убѣдиться, что матеріальное положеніе народа было крайне тяжелое. Чтобы показать, какъ бюджетныя цифры отзывались на низшихъ слояхъ общества, мы приведемъ нѣсколько вычисленій.

1) 1715 годъ характеренъ тѣмъ, что война уже прекратилась.
 2) Всѣ данныя см. у Clamagerant, t. III; p.p. passim.
 3) Dime Royale 105 (изд. Daire въ Collection, t. I.
 4) Dime, 34—35.
 5) Въ этомъ случаѣ показаніямъ Вобана, не всегда точнымъ, можно смѣло вѣрить. Вычисленія, основанныя на данныхъ интендантской статистики.

Статистика установила, что въ каждой французской семьѣ того времени было пять членовъ. Каждому изъ нихъ въ годъ было необходимо для пропитанія три гектолитра хлѣба: о мясѣ или овощахъ не можетъ быть рѣчи. Такъ что каждой семьѣ — дѣло идетъ о безземельныхъ сельскихъ рабочихъ — необходимо въ годъ пятнадцать гектолитровъ. Цѣна гектолитра въ царствованіе Людовика XIV колеблется между 8 фр. и 44,60 фр. Средняя цѣна — 18,85 фр. Каждая чета рабочихъ имѣетъ въ день 40 сантимовъ; такъ что для того, чтобы получить возможность купить 1 гектолитръ хлѣба, ей нужно 48 дней, а для пятнадцати гектолитровъ 720 дней. Между тѣмъ при самой интенсивной работѣ мужъ съ женой въ годъ могутъ представить плату только за 450 дней, потому что въ году праздники отнимали у нихъ 90 дней. Если даже предположить, что работаютъ и дѣти, то и тогда реализируются всего 600 дней; такъ что при средней цѣнѣ на хлѣбъ у нихъ не хватаетъ для того, чтобы быть сытыми, 120 дней. Можно себѣ представить, что бываетъ въ голодныя години. Между тѣмъ на рабочихъ падаютъ еще нѣкоторые налоги¹⁾.

Финансовый гнетъ ярче виденъ на положеніи мелкихъ земледѣльцевъ. Они платили 921 милл. фр. налоговъ — привилегированные доплачивали всего 33 милл. фр. Каждая семья была обязана въ среднемъ отдать 114 фр. въ годъ въ казну, а 116 сенъерамъ свѣтскимъ и духовнымъ. При среднемъ заработкѣ 187 фр. въ годъ получается 43 фр. ежегоднаго дефициту²⁾. Эти простыя цифры объясняютъ революцію лучше, чѣмъ цѣлые томы краснорѣчивыхъ разсужденій, излюбленныхъ историками старыхъ школъ.

Какъ-же отражалось такое положеніе населенія на состояніи промышленности? Буатльберъ, доказавъ въ первой части своей *Détail de la France* фактъ уменьшенія національнаго дохода, во второй пытается разобрать причины этого явленія. Въ главахъ, гдѣ онъ трактуетъ этотъ вопросъ, мы можемъ найти много интереснаго. Несправедливости въ распределеніи *taille* ведутъ къ тому, что владѣльцы небольшихъ участковъ, не будучи въ состояніи выплачивать налога, продаютъ ихъ сенъеру. Этимъ участки освобождаются отъ платежей, и въ приходѣ должна послѣдовать переверстка, послѣ которой, естественно, такса поднимается. Отъ этого новые ущербы какъ крестьянскимъ, такъ *par contrecoup* и дворянскимъ хозяйствамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ еще можетъ выдержать *taille* болѣе или менѣе удовлетворительно, онъ боится вводить улучшенія въ своемъ хозяйствѣ, пускать въ дѣло больше головъ скота или болѣе сложный инвентарь — изъ опасенія быть обложеннымъ по этимъ признакамъ тяжелѣе другихъ³⁾. Не мудрено, что земля не давала и половины того, что она могла-бы дать при болѣе рациональной постановкѣ дѣла: въ 1700 году Франція добывала зерна на 1.021.416,000 фр., между тѣмъ какъ въ 1841 — на 2.565.238,760 фр.⁴⁾,

приводятъ къ тѣмъ же результатамъ. Если Вобана въ данномъ случаѣ и надо исправить, то поправка будетъ съ плюсомъ для неимущихъ. Пролетаріевъ было по этой статистикѣ 91%. Ср. Moreau de Jonnés. *Etat économique et social, de la France depuis 1589 jusqu'à 1715*. p. 279.

¹⁾ Moreau de Jonnés. *Etat social et économique*, 311—325.

²⁾ *Ibidem*, 406.

³⁾ Boisguillebert. *Détail de la France*. II.7; pp. 189—190.

⁴⁾ Moreau de Jonnés. *O. c.* p. 287.

То-же и въ другихъ областяхъ хозяйства. Въ прежнее время въ Нормандіи и Пикардіи процвѣтало винодѣліе; высокій винный акцизъ, соединенный съ другими стѣсненіями въ торговлѣ, заставилъ вырывать лозу, потому что расходы по сбору рѣшительно не оправдывались¹⁾. Въ Бургундіи и Шампани винокисло въ бочкахъ, не находя сбыту; за нѣсколько лѣтъ оно, благодаря внутреннимъ таможнямъ, совершенно недоступно. Ясно, что винодѣліе забрасывается такъ-же, какъ и агрикультура²⁾.

Тормозилась и внѣшняя торговля. Высокія вывозныя пошлины на хлѣбъ и вино убили спросъ на эти продукты: заграничные покупатели стали искать другихъ рынковъ. Въ Нормандіи промышленность стояла очень высоко: выдѣлывались шляпы, фабриковались игральныя карты, бумага, трубки, китовый усъ для платья. Все это при умѣренныхъ пошлинахъ обогащало область и давало весьма значительный доходъ казнѣ. Обложеніе удвоилось и утроилось,—и все пошло прахомъ. Шляпные мастера переѣхали за границу; карточные разбрелись по разнымъ мѣстамъ; другія производства постигла та-же участь³⁾. Такимъ образомъ дѣло обстояло въ Нормандіи, которую ближе зналъ Буагильберъ, но факты настолько ярки, что едва-ли приходится много разсуждать о томъ, что и во всей Франціи, кромѣ нѣкоторыхъ привилегированныхъ областей, было не лучше.

Окончательному упадку промышленности содѣйствовала отмѣна Нантскаго эдикта въ 1685 году. Это—одно изъ самыхъ мрачныхъ проявленій деспотизма Людовика, и за него исторія отплатила Франціи. Вобанъ въ мемуарѣ, представленномъ имъ Лувуа и г-жѣ Ментенонъ, вычисляетъ въ 100,000 число гугенотовъ, эмигрировавшихъ за границу послѣ отмѣны, и, по его словамъ, тутъ были лучшія промышленныя силы Франціи, унесшія изъ родины свои капиталы и свои знанія. Но Вобанъ ошибся: эмигрантовъ было по крайней вдвое больше, а по нѣкоторымъ вычисленіямъ ихъ количество достигало до 500,000⁴⁾. Такъ продолжали послѣ Кольбера его дѣла.

Теперь попробуемъ сгруппировать культурные результаты финансоваго режима второй половины царствованія Людовика XIV.

Всякая абсолютная монархія, подобная Людовиковой, таитъ въ себѣ неудержимую тенденцію превращаться въ деспотизмъ, и она непременно кончитъ этимъ, если не встрѣтится условій, реагирующихъ на нее и заставляющихъ принять вѣянія, соотвѣтствующія духу времени. Это неминуемо приведетъ ее къ крушенію. Такой процессъ мы можемъ прослѣдить на примѣрѣ, хотя-бы, Римской имперіи. Въ первой стадіи своего развитія власть императора была чистой делегацией правъ народа и цезарь, управляя имъ, лишь представлялъ его. Но уже со временъ Діоклетіана и Константина въ ней появляются черты, которыя рѣшительно не вяжутся съ первоначальнымъ принципомъ, а въ V в. Римская имперія по природѣ власти мало чѣмъ отличалась отъ восточныхъ деспотій. Самодѣятельность обще-

1) Boisguillebert. Détail. II. 13 pp. 199—200.

2) Horn. 251.

3) Boisguillebert. Détail. 205—209.

4) Moreau de Jonnés. 419.

ства была окончательно убита, органы управленія превратились въ пустой звукъ, муниципалитетъ существовалъ постольку, поскольку онъ привлекался къ государственнымъ повинностямъ. Императорскіе эдикты одни звучали по всему пространству имперіи, императорскіе чиновники одни благоденствовали.

То-же *mutatis mutandis* произошло и съ французской монархіей. Ограниченная сначала во всѣхъ существенныхъ пунктахъ генеральными штатами, она съ 1439 г. освобождается отъ ихъ опеки и развивается дальше въ духѣ все большей и большей абсолютизаціи. Условія къ тому-же сложились такъ, что усиленіе монархіи являлось иногда логически необходимымъ заключеніемъ цѣпи фактовъ. Религіозныя войны грозятъ цѣлости государства—событія выкидываютъ Ришелье; разражается Фронда, государство снова въ опасности—у правленія встаетъ Мазарини. И историкъ долженъ признать, что лучшую комбинацію въ этихъ двухъ случаяхъ трудно было-бы подобрать. Дѣятельность ихъ придала монархіи необыкновенную мощь, которой хватило на всю первую половину царствованія Людовика XIV. Но наряду съ укрѣпленіемъ основъ государственности, Ришелье укрѣпилъ принципъ абсолютизма, который у его вѣнценоснаго ученика принялъ прямо уродливыя формы. Въ своихъ мемуарахъ король, захотѣвшій быть публицистомъ, высказываетъ нѣсколько характерныхъ мыслей объ отношеніяхъ подданныхъ къ государю. Здѣсь на первомъ мѣстѣ знаменитая теорія повиновенія (*obéissance*). «Воля Бога такова,—говорится тамъ,—что всякій, кто только рожденъ подданнымъ, долженъ повиноваться безъ оговорокъ... Въ христіанствѣ нѣтъ болѣе установившагося правила, чѣмъ то, которое призываетъ къ покорному повиновенію подданныхъ по отношенію къ тѣмъ, кто поставленъ надъ ними» ¹⁾.

Никакимъ спорамъ, разговорамъ, ремонстраціямъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста по этой теоріи. Отсюда отрицаніе генеральныхъ штатовъ, отсюда тотъ взглядъ, что у народа нѣтъ собственности, потому что все, чѣмъ онъ владѣетъ, принадлежитъ королю. Для насъ это—пунктъ особенно существенный; онъ бросаетъ свѣтъ на фискальную политику Людовика, которая стремилась сдѣлать фактомъ апріорное воззрѣніе короля и поэтому клонилась къ полному истощенію народа. Съ самаго начала его царствованія съ этими теоріями приходилось считаться. Траты были громадныя, но Кольберъ вначалѣ умѣлъ удержать бюджетъ въ сравнительно приличныхъ размѣрахъ, умѣлъ беречь производительныя силы народа. Но къ концу его управленія это сдѣлалось невозможнымъ. Военные расходы все росли, и вспышки недовольства стали проявляться.

1672-й годъ открываетъ эпоху неудержимой ничѣмъ эгоистической политики, поставившей себѣ цѣлью не разумное управленіе страной, а присоединеніе къ ней новыхъ провинцій, не благосостояніе народа, а показную роскошь. Первые успѣхи закружили голову Людовику; онъ рѣшилъ, что его войско непобѣдимо. Не успѣвали заключить миръ, какъ снова начиналась война; случалось и такъ, что война продолжалась и послѣ заключенія мира. Кольберу не управиться-бы съ одними этими тратами расходившагося иекателя славы; а сюда присоединялись еще придворные расходы.

¹⁾ Mémoires de Louis XIV. Paris, 1806, II partie. стр. 55—56.

Г-жа Монтеспанъ могла проиграть въ одну ночь 5.000,000 ливровъ, такъ что годового сбора съ *taille* при такомъ масштабѣ хватило-бы прекрасной маркизѣ немного больше, чѣмъ на недѣлю. Не мудрено, что изъ народа приходилось выжимать всѣ оки, — и надоотдать справедливость власть имущимъ, эта операція производилась съ рѣдкимъ искусствомъ. Ухитрялись брать не только то, что крестьянинъ могъ дать, но и то, чего онъ не былъ въ соетояніи. Его стоны заглушались ликованіемъ откупщиковъ и побѣдными кликами; картина его страданій заслонялась пышными парадами, теряла свою яркость отъ блеска придворныхъ баловъ. Народъ былъ оставленъ на произволь судьбы. Правительство протягивало руку, брало то, что въ нее клали откупщики и на этомъ успокоивалось. Какъ набирались эти суммы, сколько поту и крови засохло на этихъ монетахъ — ему не было дѣла.

Откупщики со своимъ штатомъ — почти единственный элементъ, съ которымъ приходится сталкиваться крестьянамъ. Даже связь съ сеньерами прекратилась съ тѣхъ поръ, какъ посѣщеніе двора, выставка тамъ костюмовъ и красивыхъ женъ сдѣлалось обязательнымъ для всякаго вѣрноподданнаго и понимающаго свои выгоды дворянина. Да имъ и не было никакого интереса оставаться въ провинціи съ тѣхъ поръ, какъ парламентскія должности, и мѣста въ областномъ управленіи потеряли всякое политическое значеніе и ипревратились исключительно въ источники дохода. А для крестьянъ пребываніе помѣщика у себя въ деревнѣ имѣло громадное значеніе. Зачастую сеньеръ въ своихъ владѣніяхъ былъ единственнымъ культурнымъ источникомъ, и крестьяне, оставшіеся на произволь управляющимъ, опускались окончательно¹⁾. «Они были свободны, имѣли собственность, но оставались такъ-же невѣжественны и часто находились въ гораздо болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ ихъ предки крѣпостники. Они не знали ремесла среди всѣхъ чудесъ промышленнаго искусства и были почти дикарями среди блеска просвѣщенія. Они были надѣлены свойственнымъ французу умомъ и не утратили проницательности; но они не научились пользоваться ни тѣмъ, ни другимъ, — не оказывали никакихъ успѣховъ въ своемъ единственномъ занятіи, обработкѣ земли»²⁾. Если подумать, впрочемъ, то окажется, что трудно было имъ и достигнуть какихъ нибудь успѣховъ. Для того, чтобы вводить въ земледѣліе улучшенные приемы, болѣе раціональное хозяйство, нужны деньги, знаніе, время. А гдѣ было все это у крестьянина? Если какой-нибудь десятокъ су избѣгнетъ рукъ откупщика, то навѣрное не минуетъ мощны помѣщика. Если-же какимъ-нибудь чудомъ крестьянинъ и станетъ на ноги, начнетъ дышать посвободнѣе, явится правительственный агентъ и за беретъ его въ армію. Всѣ 450,000 солдатъ, изъ которыхъ она состояла въ то время, были оторваны отъ сохи³⁾.

Если теперь мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя изъ указанныхъ уже явленій и попытаемся глубже вникнуть въ ихъ смыслъ, то станеть

¹⁾ Тамъ, гдѣ дворяне умѣли устоять противъ соблазновъ Парижа и оставались дома, между ними и крестьянами образовывались прочныя связи, какъ это было въ Анжу, позднѣйшей Вандеѣ. Tocqueville. Ancien régime. 1887. p. 182.

²⁾ Ibidem. 196—197.

³⁾ Philippon. Zeitalter Ludwigs XIV стр. 311.

ясно, что эта политика деморализовала население, и не только низшіе классы, но и высшіе. Таковъ, впрочемъ, удѣлъ всякой выродившейся монархіи, и всѣ процессы, которые намъ предстоитъ отмѣтить во Франціи эпохи Вобана, мы легко могли бы отыскать и въ Римской имперіи IV и V вѣковъ.

Въ феодальный періодъ податныя изъятія имѣли смыслъ. Баронъ былъ свободенъ отъ обложенія, потому что несъ другія повинности по отношенію къ королю, и самъ имѣлъ право облагать налогомъ своихъ вассаловъ и крѣпостныхъ. Въ эпоху Людовика XIV то и другое уже давно отошло въ область преданій, и самый фактъ изъятія дворянства и духовенства сталъ анахронизмомъ и съ точки зрѣнія разума и съ точки зрѣнія исторіи. Но и та, и другая точка зрѣнія была одинаково чужда сеньерамъ; съ такой постановкой вопроса они не соглашались и крѣпко держались за свои отжившія права. Отсюда вытекали слѣдствія двухъ порядковъ. Во-первыхъ, возникалъ антагонизмъ между крестьянами и знатію всякаго рода. Крестьянинъ относился съ вполне понятной ненавистью къ господамъ въ напудренныхъ парикахъ и бархатныхъ кафтаныхъ, которые, утопая въ роскоши, съ легкимъ сердцемъ заставляли платить за себя полуголоднаго, полунагого мужика; сеньерь инстинктивно чувствовалъ страхъ передъ такъ нагло обираемымъ мужикомъ; притворнымъ презрѣніемъ и дѣланной ненавистью маскировалъ онъ эти чувства, и только злорадные выходки, нечаянно вырывающіяся у аристократовъ, вродѣ г-жи де Севинье, въ дни невзгодъ крестьянина, показываютъ намъ, каково ихъ истинное отношеніе къ нему. Впрочемъ, къ этому злу исторія привыкла; вѣкъ Людовика только обострилъ его. Но онъ связалъ съ изъятіями совершенно новый деморализующій моментъ—разложеніе низшихъ классовъ. Изъятые были не только дворяне и духовные. Вобанъ ¹⁾ перечисляетъ восемнадцать категорій *exempts*, въ которыхъ фигурируютъ далеко не одни привилегированныя сословія. Богатство давало право на изъятіе наравнѣ съ происхожденіемъ и пожалованіемъ. Такъ что всякій наворовавшийся вдоволь чиновникъ или развѣвшійся на крестьянскія деньги откупщикъ не только переставали платить подати, но ужъ считали себя вышедшими изъ третьяго сословія. А извѣстно, что такіе господа бывають склонны очень быстро забывать о своемъ прошломъ и третированіемъ своего жебрата стараются доказать свое благородство. Вотъ одинъ изъ источниковъ жестокости откупщиковъ, произвола чиновниковъ и прочихъ безобразій, пышно процвѣтавшихъ въ ту эпоху галантнаго обхожденія и придворнаго блеска.

Интенданты, таможенные чиновники и откупщики вносятъ свою лепту въ общую струю деморализаціи. Эти три категоріи индивидовъ, общій интересъ которыхъ совершенно противоположенъ интересамъ казны и народа, издавна привыкли мѣняться услугами, выгодными для всѣхъ сторонъ, вступившихъ въ безмолвный договоръ. Чиновники грабятъ: этого требуетъ ихъ натура, это бюрократическій обычай; но всюду, даже въ Римской имперіи послѣднихъ временъ, съ такими обычаями пытаются бороться. Θεодосіевъ кодексъ полонъ грозныхъ восклицаній по адресу нечистыхъ на руки

¹⁾ Vauban. Dime Royale. pp. 135—137 (éd. Daire).

служителей трона. Во времена Людовика нѣтъ изъ этого. Парламенты не смѣютъ возвысить голосъ, когда дѣло идетъ объ интендантѣ или его помощникахъ. А такъ какъ глава округа живетъ въ добромъ согласіи съ откупщиками, то обыкновенно и ихъ не трогаютъ. И идетъ откровенный систематическій грабежъ. Таможенные чиновники умѣютъ такъ втянуться въ свое занятіе, что берутъ и тамъ, гдѣ по закону надлежитъ, и тамъ, гдѣ законъ на то совсѣмъ не уполномочиваетъ. Произволь царитъ всюду. Казна немного выигрываетъ отъ подобныхъ хищеній: большая часть добытой всякими путями суммы остается въ рукахъ чиновниковъ ¹⁾. И народъ, чтобы по крайней мѣрѣ, не платить лишняго, прибѣгаетъ въ всеильному тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чиновникахъ, подкупу ²⁾.

Деморализація идетъ дальше. Путемъ *collecte* она забирается въ приходъ и сѣетъ плоды среди крестьянъ. Давно миновали тѣ времена, когда крестьяне наперерывъ спѣшили внести слѣдовавшую съ нихъ сумму, потому что это было признакомъ достатка. Теперь всякій старался избѣгнуть взноса своей части налога, правдами и неправдами оттягивалъ его моментъ. Рѣдко бывало такъ, чтобы сумма была уплачена сразу; почти всегда оставались недоимки. У Буагильбера ³⁾ есть одна картинка, полная глубокаго юмора; она избираетъ, какъ цѣлая вереница сборщиковъ первой очереди обходятъ всѣ дома по одной сторонѣ улицы, а сборщики второй — маршируютъ и обираютъ другую. Эта должность была бичемъ прихода. Всякій бралъ ее на себя съ проклятіемъ и разъ взявшись, совершенно забывалъ представленіе о правдѣ. Ему надо было собрать извѣстную сумму; онъ шадилъ друзей и родственниковъ, а вдвое облагалъ недруговъ. Контроля не было; да и трудно было установить его при той неустойчивости признаковъ обложенія, которая господствовала въ то время. Среди прихода поселялся раздоръ. Несправедливости не забывались; обиженному приходила очередь раскладывать *taille*, и насиліе направлялось противъ прежнихъ сборщиковъ. Словомъ, вернулись времена римскихъ куріаловъ V вѣка, когда добродушный мелкій помѣщикъ превратился въ тирана своего участка, потому что на него былъ возложенъ сборъ податей. Французскіе сборщики, какъ и куріалы, всѣмъ имуществомъ отвѣчали за то, что назначенная къ сбору сумма будетъ внесена въ волостное управленіе; а такъ какъ этого почти никогда не бывало, то очередь быть коллекторомъ предвѣщала крестьянамъ полное разореніе. Трудно было при этихъ условіяхъ не забывать о томъ, что существуетъ справедливость. «Они столько же были тиранами, сколько и мучениками», — замѣчаетъ Токвиль, и это какъ нельзя лучше характеризуетъ ихъ положеніе.

Для крестьянъ *collecte* была страшнымъ несчастіемъ. За недоимки уводили скотъ, срывали двери; разъ даже разрушили цѣлый домъ, чтобы воспользоваться нѣсколькими фунтами желѣза. Конечно, хозяйства забрасывались. Крестьяне, кто поэнергичнѣе, искали добычи на большихъ дорогахъ съ дубиною въ рукахъ или шли въ контрабандисты; у кого не хватало воли и рѣшимости, жили подаяніемъ. Женщины обыкновенно при-

¹⁾ Сюлли какъ-то вычислилъ, что для того, чтобы королю попало 30 милліоновъ, народъ долженъ выплатить 170 м. Это было при Генрихѣ IV!

²⁾ Horn. 251.

³⁾ Détail de la France II. 6, p. 186 (Daire).

ставали къ проходящимъ войскамъ и промышляли проституціей, рискуя быть брошенными въ рѣку, какъ это разъ случилось ¹⁾). Въ народѣ убивались всѣ нравственныя силы. Это видно изъ исторіи крестьянскихъ волненій той эпохи. Всѣ они возникали изъ за налоговъ. «Это—мрачная сторона блестящаго царствованія Людовика»,—говоритъ одинъ историкъ ²⁾ этой эпохи, сдержанный, безстрастный нѣмецъ. Характерно то, что позже 1675 года у насъ нѣтъ о нихъ никакихъ извѣстій ³⁾). Мы знаемъ о возстаніи крестьянъ въ Булони въ 1661 году, въ Гаскони, тянувшемся до 1673 г., въ Берри, въ Руссильонѣ, въ Лангедокѣ ⁴⁾, наконецъ въ Бретани въ 1675 г., нѣкоторыя сцены котораго такъ мило описаны г-жею Севинье. Чѣмъ объясняется, что съ 1675 года возстанія прекращаются? Припомнимъ глубокое замѣчаніе Токвиля, что народъ не возстанетъ, когда онъ прибитъ и деморализованъ и что облегченіе гнета возвращаетъ ему его силы. Приблизительно до 1675 года положеніе крестьянъ было сносно, и они выражали протестъ противъ существующихъ порядковъ, но параллельно съ увеличеніемъ военныхъ издержекъ, сталъ усиливаться гнетъ и стала расти деморализація ⁵⁾; а для вооруженнаго протеста нужно много нравственныхъ силъ.

Таково было моральное состояніе общества, въ которомъ приходилось жить и работать Вобану. Наверху—знатные вельможи, смыслъ жизни которыхъ—охота, карты, придворные балы, оплодотвореніе чужихъ женъ, торговля собственными; въ срединѣ—заплывшіе жиромъ откупщики, ослѣпленные страстью къ наживѣ и грабители-интенданты; внизу—крестьяне, едва сохранившіе человѣческой обликъ, чаще голодные, чѣмъ сытые, рѣдко одѣтые и никогда не рѣшающіеся вспомнить, что у нихъ есть чувства, есть воля, есть права.

Положительно трудно себѣ представить, могло ли быть положеніе хуже, чѣмъ у этихъ несчастныхъ. Когда пробѣгаешь у Лабрюйера картину ихъ быта ⁶⁾, то кажется, что и фонъ сгущенъ, и красокъ перепущено, но прочитавъ Вобана и Буагильбера убѣждаешься, что даже лабрюйеровъ языкъ оказался безсиленъ изобразить весь ужасъ, которымъ была полна жизнь крестьянина въ прославленное царствованіе «короля-солнца».

Въ этомъ-то и заключается значеніе царствованія Людовика. «Истин-

¹⁾ Moreau de Jonnès. 327.

²⁾ Philippson. Zeitalter Ludwigs des XIV. 81.

³⁾ Histoire générale p. Lavissee et Rambaud p. 218 (Lacour Gayet).

⁴⁾ Philippson—Ibidem.

⁵⁾ Forbonnais у Horn. 37. L'excès de leur (des cultivateurs) misère les avait conduit à cette insensibilité funeste qui semble annoncer la chute des Etats.

⁶⁾ La Bruyère. Les caractères. Ch. IX. L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, répandus par la campagne, noirs, livides, et tout brûlés de soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible; ils ont comme une voix articulée; et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet, ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans les tanières, où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines; ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre et méritent ainsi de ne pas manquer de ce pain qu'ils ont semé. Это свидѣтельство очевидца, драгоцѣнное для историка. Не надо забывать, что писалъ эти строки вельможа и быть можетъ списывалъ свою картину со своихъ же крестьянъ. Вельможа и сказался въ послѣднемъ великодушномъ пожеланіи мужику не нуждаться въ хлѣбѣ.

ное значеніе его,—говорить Лакуръ Гайе ¹⁾),—въ томъ, что оно вызвало революцію. Въ политическомъ отношеніи онъ сдѣлалъ ее роковымъ образомъ неизбѣжной излишествами деспотизма; въ экономическомъ—онъ сдѣлалъ ее необходимой благодаря чрезмѣрной нищетѣ народа; въ социальномъ, онъ сдѣлалъ ее возможной, ограничивъ дѣятельность привилегированныхъ ролью придворныхъ и отдавъ всѣ государственныя должности третьему сословію».

III.

Будущій маршалъ Франціи ²⁾ происходилъ изъ Бургундіи; его родною было мѣстечко *Saint Leger de Fourgeret*. Отецъ его Урбэнъ де Претръ принадлежалъ къ числу многочисленныхъ захудалыхъ дворянъ, которымъ только частичка передъ фамиліей напоминала о знатномъ происхожденіи. Ко времени рожденія сына Себастіана (1633) у Урбэна де Претръ изъ всего имущества не осталось ничего, кромѣ небольшого домика и его образъ жизни мало чѣмъ отличался отъ крестьянскаго; кое-какъ перебиваясь, онъ доживалъ свои дни и умеръ, когда мальчику было около десяти лѣтъ. Домъ пошелъ съ молотка, и Вобанъ остался на улицѣ безъ крова и безъ пищи. Тогда его взялъ къ себѣ мѣстный кюре, аббатъ Фонтэнъ. Мальчикъ чистилъ у него лошадей, смотрѣлъ за садикомъ, помогалъ служанкѣ, и за это кюре кормилъ его и обучилъ его всему, что самъ зналъ. Конечно, это было не Богъ вѣсть очень немного: чтеніе, письмо, немного латыни, элементы ариѳметики и геометріи и кое-какія общія знанія—вотъ вся мудрость, которую Вобанъ постигъ у аббата. Занятія и служба отнимали немного времени у живого мальчика, и вся свободная часть дня уходила у него на блужданіе по окрестностямъ вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми. Мѣстность была очень благопріятна для рысканія: каменистая почва, покрытая кое-гдѣ лѣсомъ, изрѣзанная рѣчками и ручейками, обиліе лисицъ и волковъ, которымъ можно было ставить западни—все это должно было доставлять дѣтямъ много удовольствія. Въ этихъ экскурсіяхъ Вобанъ закалилъ свое тѣло, которому предстояло выдержать сорокалѣтнія странствованія по Франціи во всякую пору, зимою подъ огнемъ переплывать рѣки, цѣлыми днями лежать въ сырыхъ траншеяхъ и принять въ себя около десятка пуль. Но это воспитаніе имѣло еще другое значеніе для Вобана Дворянина въ крестьянствѣ едва ли сумѣетъ сохранить свои сословныя понятія. А у Вобана, пожалуй, ихъ никогда и не было. Въ восемь лѣтъ, которыя онъ провелъ у аббата, онъ могъ вдоволь насмотрѣться на житіе крестьянина, научиться радоваться его радостью, печалиться его печалью. Тутъ, очевидно, было положено начало тому глубокому знакомству съ крестьянскимъ бытомъ, которое онъ обнаружилъ въ своей книгѣ; отсюда же идетъ горячая, не головная только, какъ это часто бываетъ, любовь его къ обездоленнымъ классамъ населенія.

¹⁾ Histoire générale sous la direction de mm. Lavisse et Rambaud. t. VI. p. 220 (article par Lacour Gayet).

²⁾ Для біографіи Вобана см. G. Michel. Histoire de Vauban. 1879. Fontenelle. Eloge historique de m. maréchal de Vauban 1707 и статья Дѣра въ Collection des principaux économistes. t. I. (Economistes financiers) и Мишеля въ его изданіи Dîme Royale въ Petite bibliothèque économique, издаваемой Гильоменомъ.

Въ восемнадцать лѣтъ онъ взялъ отъ этой жизни все, что только она могла ему дать. Онъ чувствовалъ въ себѣ такія силы, которымъ негдѣ было развернуться въ небольшомъ мѣстечкѣ; ему захотѣлось на просторъ, гдѣ было бы больше работы уму, больше впечатлѣній сердцу. Это былъ 1651-й годъ—разгаръ Фронды. Воспользовавшись приглашеніемъ одного своего земляка, командовавшаго отрядомъ въ арміи Конде, Вобанъ отправился туда и быстро выдвинулся благодаря своему подвижному уму и остроумнымъ замѣчаніямъ, высказаннымъ при осадахъ. Его перевели въ фортификаціонную бригаду. Тутъ онъ усердно засѣлъ за штудированіе тригонометріи и другихъ дисциплинъ, необходимыхъ для военнаго инженера и вскорѣ ему пришлось примѣнить на практикѣ свои познанія при взятіи у королевскихъ войскъ крѣпости Сень-Менегу.

Черезъ два года послѣ вступленія на службу Вобанъ попалъ въ плѣнъ къ роялистамъ, и Мазарини занялся обращеніемъ на путь истинный молодого фронтдера. Что могъ сказать ему геніальный авантюристъ? Безъ сомнѣнія, аргументы у него были, и отчасти мы ихъ уже привели выше, говоря о необходимости въ извѣстные историческіе моменты усиленія монархіи во Франціи. Моментъ былъ очень удачный и кромѣ чисто историческихъ доводовъ, Мазарини могъ воспользоваться провиденціальными, потому что Фронда начала уже колебаться. Какъ бы то ни было, Вобанъ сдался на его убѣжденія и съ такимъ же пыломъ сталъ служить королю, съ какимъ раньше бился съ его войсками. Завершеніемъ своего техническаго образованія онъ обязанъ генеральному контролеру по фортификаціонной части Шервилю. Съ этихъ поръ и чуть не до самой смерти, онъ работалъ, не переставая, и дѣятельность его въ узкой военной области была въ высокой степени плодотворна, если, конечно, здѣсь можетъ быть рѣчь о плодотворности.

Равнаго ему инженера не было въ Европѣ: знаменитый Когорнъ былъ побѣжденъ имъ при Намюрѣ. Безъ Вобана не обходилась ни одна изъ многочисленныхъ войнъ Людовика IV. Онъ сдѣлался настолько необходимъ въ войскѣ, что Лувуа въ приказѣ подчиненнымъ ему офицерамъ строго приказывалъ беречь дорогую для государства жизнь и называлъ это *une affaire d'Etat*. Въ геній Вобана вѣрили слѣпо. Никто не сомнѣвался, что крѣпость будетъ взята, если онъ руководилъ осадными работами; наоборотъ, крѣпость считалась неприступной, если Вобанъ былъ тамъ. Людовикъ, который очень любилъ лавры безъ риска и опасностей, часто являлся полюбоваться, какъ Вобанъ будетъ брать крѣпость и затѣмъ, ничтоже сумняшеся, приписывалъ себѣ честь успѣха. Разъ даже, г-жа Ментенонъ, прослышавъ, что Вобанъ готовится къ осадѣ, упростила Людовика взять туда съ собою ее и ея дамъ посмотрѣть на искусство великаго инженера.

Еще при жизни Мазарини Вобанъ отличился подъ начальствомъ Тюрена и Лаферте въ войнѣ съ Испаніей (1655—1659), гдѣ онъ принималъ дѣятельное участіе при осадѣ Валансіена, Гравелина, Ипри и др. Послѣ Пиренейскаго мира Вобанъ принялся за исправленіе старыхъ укрѣпленій и возведеніе новыхъ. Благодаря его работамъ, Дюнкирхенъ, незадолго передъ этимъ купленный у Карла II, сдѣлался неприступнымъ. Открывшаяся въ 1667 году война деволуціонная снова призвала его въ поле; онъ взялъ первоклассную крѣпость Лилль, былъ назначенъ ея губернаторомъ и занялся ея укрѣпленіемъ. Черезъ четыре года (1672)

началась война съ Голландіей. Вобанъ взялъ Мастрихтъ, Камбре, Бушенъ, Страсбургъ и уже послѣ Нимвегенскаго мира овладѣлъ Люксембургомъ. Въ войнѣ съ Аугсбургскою лигою Вобану также пришлось поработать. Тутъ былъ взятъ имъ Намюръ, защищаемый Когорномъ. Въ войнѣ за Испанское наслѣдство, до конца которой онъ не дожилъ, онъ взялъ Бризакъ, защитилъ Дюнкирхенъ, но уже въ началѣ зимы 1706 года, вслѣдствіе разстроенаго здоровья, долженъ былъ прервать свое путешествіе по сѣвернымъ крѣпостямъ, которыя надо было укрѣпить въ виду возможности нападенія на нихъ со стороны Мальборо.

Вобанъ принималъ участіе больше, чѣмъ въ тридцати правильныхъ осадахъ, построилъ или передѣлалъ около полутора ста укрѣпленій. Въ 1676 г. онъ получилъ маршальскій жезлъ—инженеру онъ давался впервые; два года спустя, послѣ смерти Шервиля, сдѣлался генеральнымъ контролеромъ по фортификаціонной части.

Осадное искусство обязано Вобану многими улучшеніями. Онъ придумалъ мортиру для метанія бомбъ; научилъ артиллеристовъ рикошетнымъ выстрѣламъ; усовершенствовалъ искусство параллелей, изобрѣлъ траншейныя кавальеры, небольшіе ретраншементы для защиты брустверовъ.

До него не было спеціальнаго корпуса военныхъ инженеровъ. Пѣхотные офицеры причислялись къ осаднымъ работамъ и на нихъ послѣ этого смотрѣли, какъ на отпѣтыхъ и не пускали дальше капральскаго чина. Вобанъ своими заслугами первый заставилъ Лувуа порвать съ традиціей; онъ былъ назначенъ бригадиромъ и вслѣдъ за тѣмъ были введены реформы. Былъ созданъ корпусъ инженерныхъ офицеровъ, причемъ онъ былъ раздѣленъ на два класса: ординарныхъ и экстраординарныхъ. Первые были внѣ другихъ частей войска и предназначались только для построекъ; вторые, какъ и прежде, принадлежали къ пѣхотѣ, но уже со спеціальнымъ назначеніемъ для осадныхъ работъ; сверхъ обычнаго жалованія они получали 500 ливровъ пенсіи и сохраняли всѣ права пѣхотныхъ офицеровъ по производству.

Вобану же обязана Франція тѣмъ желѣзнымъ поясомъ укрѣпленій, который былъ прорванъ только въ 1871 г. Во всѣхъ пограничныхъ пунктахъ, наиболѣе доступныхъ нападенію, онъ построилъ первоклассныя крѣпости или приспособилъ для цѣлей обороны уже существующія укрѣпленія. Дюнкирхенъ, Лилль, Мецъ, Страсбургъ, Безансонъ—вотъ этотъ рядъ, который пополнялся другими менѣе значительными крѣпостями и долго служилъ надежной защитой для страны. И здѣсь Вобанъ ввелъ много новаго. Башни, высокіе бастіоны и стѣны уже не годились въ виду успѣховъ артиллеріи, и онъ ввелъ новую систему гладкихъ укрѣпленій, изобрѣлъ бастіоны для перекрестнаго огня и т. д.

Чтобы закончить перечисленіе военныхъ заслугъ Вобана, упомянемъ объ изобрѣтеніи имъ штыка, чѣмъ сразу получилась громадная экономія въ людяхъ, потому что всѣхъ, доселѣ вооруженныхъ пиками, сдѣлалось возможно снабдить ружьями; два рода оружія такимъ образомъ соединились въ однихъ рукахъ ¹⁾.

А. Дживелеговъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ О военныхъ заслугахъ Вобана ср. статью Vast'a въ Histoire générale p. Lavissee et Rambaud, t. VI; pp. 88—98.

Пять лѣтъ моей жизни.

(1894—1899 г.).

Мой дневникъ.

(Для передачи моей женѣ¹⁾).

Воскресенье, 14 апрѣля 1895 г.

Сегодня я начинаю дневникъ моей печальной и ужасной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, только съ нынѣшняго дня я имѣю въ своемъ распоряженіи бумагу, да и то нумерованную и за подписью, чтобы я не могъ обращаться съ нею небрежно. Я отвѣчаю за ея употребленіе. Что же я однако стану дѣлать съ ней? Какое я могу дать ей употребленіе? Кому передать ее? Какую тайну ввѣрю ей? Столько вопросовъ, столько загадокъ!

До сихъ поръ я преклонялся предъ разумомъ, я вѣрилъ въ логику вещей и событій, я вѣрилъ, наконецъ, въ челоуѣческую справедливость. Все странное, нелѣпое съ трудомъ вмѣщалось въ моемъ мозгу. Ахъ, какая насмѣшка надъ всѣми моими вѣрованіями, надъ всѣмъ моимъ здравымъ смысломъ!..

Сколько ужасныхъ мѣсяцевъ я уже провелъ и сколько печальныхъ ожидаютъ меня еще!..

Послѣ моего несправедливаго осужденія я рѣшилъ было убить себя. Быть осужденнымъ за самое гнусное преступленіе, какое только можетъ совершить челоуѣкъ, и при томъ лишь на основаніи подозрительной записки, почеркъ которой былъ поддѣланъ или случайно походилъ на мой, — это, дѣйствительно, могло довести до отчаянія всякаго, ставящаго честь свою выше всего. Въ это время, когда все мое существо было разбито, моя дорогая жена, такая преданная, такая мужественная, дала мнѣ понять, что, какъ

¹⁾ Слѣдующія страницы представляютъ изъ себя постепенный дневникъ который я писалъ съ апрѣля 1894 г. до осени 1896 и который былъ предназначенъ для моей жены. Этотъ дневникъ былъ забранъ вмѣстѣ со всѣми моими бумагами въ 1896 г. Я его могъ получить только во время процесса въ Реннѣ, въ 1899 году.

В о б а н ъ.

(Окончаніе).

Вобанъ былъ храбрый воинъ—Лувуа находилъ даже, что онъ храбръ въ ущербъ интересамъ военнаго вѣдомства,—но онъ не былъ военнымъ *quand même*. Это былъ теоретикъ фортификаціи по преимуществу, искренно огорчавшійся, когда вносимыя имъ усовершенствованія стоили жертвъ. Поэтому онъ всегда съ жаромъ отдавался работамъ по укрѣпленію и только по необходимости брался за осадныя. Судьба сыграла злую шутку, вложивъ инженерныя таланты въ человѣка рожденнаго быть адвокатомъ обездоленной массы. Вобанъ таилъ въ себѣ любовь къ людямъ, качество, какъ извѣстно, у полководцевъ не поощряемое: тотъ, кто хочетъ быть любимцемъ побѣды, *ceteris paribus*, долженъ смотрѣть на людей, какъ на пушечное мясо. Этимъ взглядомъ, очевидно, были проникнуты и всѣ его современники, начиная съ короля. Однажды Людовикъ настаивалъ на штурмѣ до окончанія осадныхъ работъ. Вобанъ не соглашался, предвѣщая неудачу, говоря, что фортъ не стоитъ человѣческой жизни. Его не послушали и были отбиты съ урономъ. Другой разъ онъ отвѣтилъ Людовику, который по обыкновенію вмѣшивался не въ свое дѣло: «Я предпочитаю скорѣе сохранить сотню солдатъ вашему величеству, чѣмъ истребить 3,000 у непріятели». Къ стремительнымъ атакамъ, въ противоположность своимъ прославленнымъ современникамъ Тюрену и Конде, онъ питалъ недовѣріе и ужасъ, что и высказывалъ открыто, не боясь прослыть за труса.

Онъ слишкомъ любилъ народъ, чтобы съ легкимъ сердцемъ ставить его подъ жерла пушекъ. Воспитанное съ дѣтства это чувство съ теченіемъ времени окрѣпло и сдѣлалось вполне сознательнымъ, когда онъ пришелъ къ пониманію значенія крестьянина въ государствѣ. «Вѣдь это низшіе классы народа платежами, торговлей и своимъ трудомъ обогащаютъ короля и его государство,—говоритъ онъ¹⁾);—они доставляютъ солдатъ въ его армію и матросовъ въ его флотъ; изъ ихъ рядовъ выходятъ офицеры, купцы и низшіе судебные чиновники; ими заняты всѣ ремесла, они ведутъ торговлю страны, въ ихъ рукахъ ея промышленность, они даютъ земледѣльцевъ, виноградарей, сельскихъ рабочихъ. Кто стережетъ и кормитъ скотъ, если не они? Кто сѣетъ и собираетъ хлѣбъ? Кто смотритъ за виноградомъ и дѣлаетъ вино? Они. Словомъ, они исполняютъ всѣ круп-

¹⁾ Dîme Royale, p. 46 (Edition Daire).

ныя и мелкія работы въ городѣ и деревнѣ. Вотъ составъ этой части народа, столь полезной, столь презираемой и претерпѣвающей такъ много страданій!» «Это самая разоренная, самая жалкая часть французскаго населенія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾); между тѣмъ она наиболѣе значительна, какъ по численности такъ и по услугамъ, оказываемымъ ею государству; она несетъ всѣ тягости, она же всегда терпитъ больше всего; на нее падаетъ вся цифра уменьшенія народонаселенія во Франціи».

Любовь къ низшимъ классамъ, которыхъ никто за двумя-тремя исключеніями, не любилъ въ то время, воспитала у Вобана культъ справедливости. Мы увидимъ, что этотъ принципъ игралъ крупную роль даже въ экономической системѣ. Въ жизни онъ владѣлъ великимъ челоуѣкомъ всецѣло, закрывалъ ему глаза на всякія различія въ положеніи его и тѣхъ, кому онъ не стѣснялся говорить правду, заставлялъ его забывать о томъ, что власть имущіе не всегда любятъ правду.

Вспомнимъ его поведеніе послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Вобанъ всегда былъ вѣрующимъ католикомъ, но у него никогда не было той исключительности, которая отличала его современниковъ. Возмущенный несправедливостью, онъ тутъ же препроводилъ горячій мемуаръ Лувуа, гдѣ, на основаніи экономическихъ, политическихъ и военныхъ соображеній доказывалъ всю бессмысленность этой мѣры и безъ всякихъ стѣсненій называлъ по имени дѣло Людовика. «Короли, — говорилъ онъ между прочимъ, — господа надъ жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ, но не надъ ихъ совѣстью: внутреннія убѣжденія людей выше ихъ власти, и Богъ одинъ можетъ направить ихъ. Единственная политика, исполненная любви (*charité*), полезная и удобная — это та, которая стремится сохранять подданныхъ, и благоразуміе, умѣющее при надобности допускать ограниченія и уступать передъ обстоятельствами — одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ искусства управленія». Естественное дѣло, что Лувуа не сталъ благодарить Вобана за такія нравоученія; съ письмомъ, полнымъ угрозъ, онъ вернулъ ему его мемуаръ. Но Вобана трудно было запугать. Онъ прочелъ письмо, переписалъ снова свой мемуаръ и отправилъ его къ г-жѣ Ментенонъ. Не миновать-бы ему Бастиліи, если бы не война. Маршалъ Вобанъ былъ необходимъ государству.

Любопытно то, что самъ Вобанъ вовсе не видѣлъ въ подобныхъ ремонстраціяхъ чего-нибудь незаконнаго. Его совѣсть, вѣрнаго монархиста, ни на минуту не страдала отъ того, что ему приходилось указывать темныя стороны режима. Въ этомъ отношеніи оппозиція Вобана стоитъ въ непосредственной связи съ позднѣйшей оппозиціей парламентовъ и умѣренныхъ лойальныхъ прогрессистовъ, вродѣ Монтескье. Право ремонстраціи въ представленіи людей Франціи могло вполне уживаться съ монархическимъ строемъ, нисколько не колебля его. Такія представленія шли непосредственно отъ генеральныхъ штатовъ и нашли себѣ при Людовикѣ XV пріютъ въ парламентахъ. При Людовикѣ XIV-мъ генеральныхъ штатовъ не было, а парламенты совсѣмъ потеряли даръ протестующаго слова. Общественное мнѣніе находило себѣ выраженіе въ лицѣ немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Ниже мы укажемъ тѣ различныя теченія, по ко-

¹⁾ Dîme Royale. p. 44 (Ed. Daire).

торымъ пошла зарождающаяся оппозиція, теперь же попытаемся указать смыслъ и значеніе для эпохи вобановой оппозиціи. Эта сторона особенно существенна, и на ней слѣдуетъ остановиться подробнѣе. Тутъ Вобанъ выступаетъ передъ нами, какъ наиболѣе рѣзкій представитель той переходной эпохи, въ которую ему пришлось дѣйствовать.

Идея абсолютизма со временъ Ришелье сдѣлалась любимымъ принципомъ французскаго правительства. Желѣзный кардиналъ любилъ говорить, что «монархія не выносить, когда протягиваютъ руку къ скипетру государя и хотятъ дѣлить съ нимъ его власть». Людовикъ наполняетъ свои мемуары безчисленными, болѣе или менѣе неудачными варіаціями на ту же тему, слитыми потомствомъ въ хорошо извѣстный, выразительный афоризмъ ¹⁾. Въ нашу задачу не входитъ доискиваться источниковъ такихъ воззрѣній; замѣтимъ только, что въ XVI и XVII вѣкахъ ученіе о верховенствѣ государя насчитывало много сторонниковъ среди политическихъ мыслителей, которые на основаніи данныхъ исторіи и разума пытались доказать свое положеніе.

Дѣло доходило до того, что зажигали лампы передъ статуями Людовика и приписывали ему чудодѣйственную силу исцѣлять болѣзни ²⁾.

Такія представленія наверху не могли не отзываться на всякаго рода общественныхъ и культурныхъ отношеніяхъ. Имъ, между прочимъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ тотъ «духъ покровительства», противъ котораго краснорѣчивую филиппику мы находимъ у Бокля. Мысль была стѣснена и тѣ, у кого она еще работала, не нашли ничего лучшаго, какъ утилизировать свои таланты, либо для прославленія, либо для потѣхи «великаго короля». Этимъ своеобразнымъ духомъ проникнуты съ единичными исключеніями всѣ дѣятели эпохи Людовика. Ни одинъ изъ нихъ не нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы стряхнуть съ себя тотъ кошмаръ, который, въ видѣ привѣтливо улыбающейся фигуры Людовика, овладѣлъ его воображеніемъ. У нѣкоторыхъ, какъ у Расина, придворные вкусы вступали въ конфликтъ съ убѣжденіями, причемъ убѣжденія молчали, а утрата королевскихъ милостей могла быть смертельнымъ ударомъ.

Тутъ же, въ этихъ условіяхъ кроется начало оппозиціи. Представителями ея, кромѣ Вобана, были герцогъ Сенъ Симонъ, епископъ Фенелонъ, аббатъ Сенъ Пьеръ и руанскій чиновникъ Буагильберъ. Сенъ Симонъ, дворянинъ стараго типа, вызвалъ замѣчаніе Мармонтеля, что на свѣтѣ онъ признаетъ однихъ французовъ, среди французовъ только дворянъ, а между дворянами—исключительно себя. По его мнѣнію, монархію надо было какъ-нибудь ограничить дворянствомъ. Но какъ,—благородный герцогъ едва ли представлялъ себѣ съ нѣкоторой опредѣленностью. Его попытка была блажью фрондирующаго отъ бездѣлія дворянина и не имѣетъ для насъ существеннаго значенія ³⁾. Точно также мало важна по своей мимолетности попытка Сенъ Пьера, хотя она радикальнѣе другихъ: по его мнѣнію народу надо было вернуть право вотированія налога. Важ-

¹⁾ Histoire générale, par Lavisse et Rambaud, t. VI, p. 147—150 (Lacour Gayet).

²⁾ Histoire générale. Ibidem. p. 153—155.

³⁾ Подлинность приписываемаго Сенъ Симону проекта (Projet de gouvernement due de Bourgogne) не доказана.

нѣ оппозиція Фенелона и Буагильбера. Извѣстно, что камбрезскій епископъ нарисовалъ въ «Телемакѣ» государство, ограниченное дворянскими собраніями и за это впалъ въ немилость. Но Фенелонъ не рѣшился высказаться открыто, какъ это сдѣлали Буагильберъ и Вобанъ. Его политическія убѣжденія вовсе не были такъ узки; это видно изъ его корреспонденціи: права народа тамъ играютъ существенную роль ¹⁾. Фенелонъ, какъ и Буагильберъ—представители обдуманнаго, сознательнаго протеста, понимающіе несомвѣстимость своихъ плановъ съ существующимъ порядкомъ. Буагильберъ даже больше, чѣмъ Фенелонъ. Вобанъ представляетъ другой типъ.

Вобанъ со времени разговоровъ съ Мазарини, повидимому окончательно и разъ навсегда проникся монархическимъ принципомъ. Для него интересы короля на первомъ планѣ, и онъ глубоко убѣжденъ, что они тождественны съ интересами государства. Мы видѣли, какъ, въ унисонъ съ Людовикомъ, онъ признаетъ право короля на собственность подданныхъ. Онъ не знаетъ другой дѣятельности, кромѣ какъ для короля. «Эта работа,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ ²⁾,—сдѣлана исключительно для вашего величества и для вашего государства; другихъ намѣреній у меня не было». И онъ, въ противоположность Буагильберу, очень заботится о томъ, какъ бы его проектъ податной реформы не сталъ въ противорѣчіе съ идеей абсолютизма. «Она (новая подать—десятина) не создаетъ никакихъ ограниченій королевской власти,—говоритъ онъ нѣсколько выше ³⁾;—наоборотъ, она сдѣлаетъ его совершенно независимымъ не только отъ духовенства, но и отъ *pays d'Etat*. Сообразно нуждамъ государства король будетъ возвышать или понижать тарифъ того или другого года».

Нѣкоторые ⁴⁾ видятъ въ этихъ тирадахъ «чистый маккиавеллизмъ или предвосхищеніе бисмарковой политики»; они «удивлены, встрѣчая подобную инсинуацію подъ перомъ одного изъ честнѣйшихъ людей эпохи». Ясное дѣло, что тутъ нѣтъ ни того, ни другого. Вобанъ самъ не понимаетъ значенія своего труда. *Dîme Royale*—произведеніе, относящееся къ категоріи колеблющихся основы, и Людовикъ чувствовалъ это гораздо лучше, чѣмъ его вѣрноподданный маршалъ, когда предавалъ проклятію и книгу, и ея автора.

Эта черта полна самаго глубокаго интереса. Переходная эпоха, какъ въ зеркалѣ, отражается въ подобныхъ книгахъ. Вико, напримѣръ, чуть не на каждой страницѣ своей «Новой науки» повторяетъ, что его система—гражданская теологія; между тѣмъ теологическаго элемента въ существенныхъ частяхъ ея нѣтъ совершенно. Такъ и здѣсь: у Вобана и въ заглавіи король и на протяженіи всей книги король; онъ думаетъ, что осуществленіе его проекта послужитъ Людовику *ad maiorem gloriam*. На дѣлѣ, изложеніе проекта—обвинительный актъ противъ «короля солнца» и его системы. Искренно преклоняясь передъ Людовикомъ, Вобанъ

¹⁾ P. Janet. Fénelon (въ коллекціи Grands écrivains français) pp. 135—150.

²⁾ Dîme, 43.

³⁾ Dîme, 41 (Ed. Daire).

⁴⁾ Horn. L'économie politique avant les physiocrates, p. 323.

наноситъ ему такіе удары, всю силу которыхъ предстояло оцѣнить только потомству.

Поэтому книга Вобана, помимо богатаго фактическаго матеріала, представляетъ для историка интересъ культурнаго явленія, яркими чертами рисующаго переходный характеръ эпохи. Мы настаиваемъ именно на дуализмѣ въ убѣжденіяхъ Вобана, дуализмѣ, не встрѣчающемся у другихъ. Боссюэ готовъ всю Библию обратить на защиту абсолютизма, Буагильберъ анализомъ фактовъ общественной и экономической дѣйствительности сознательно подрываетъ его престижъ. Одинъ закрываетъ глаза на настоящее, другой опередилъ вѣкъ. Вобанъ еще современникъ Людовика по политическому духу, но уже челоуѣкъ временъ XVIII в. по основанію проекта реформъ. Для насъ совершенно ясно, что уничтоженіе неравенства въ обложеніи, введеніе обязательнаго для всѣхъ налога и все прочее — такія мѣры, которыя должны глубоко потрясти систему благополучнаго произвола, въ такихъ широкихъ размѣрахъ примѣнявшуюся Людовикомъ.

Выяснивъ культурное значеніе идей Вобана, мы должны обратиться къ подробному разсмотрѣнію его книги. Положеніе инженера заставляло Вобана во всякое время года колесить по Франціи изъ конца въ конецъ, наблюдать за постройками укрѣпленій, снимать планы съ крѣпостей, обучать молодыхъ инженеровъ. Но среди своихъ специальныхъ занятій онъ находилъ время для изученія положенія земледѣлія и земледѣльцевъ. Онъ неустанно наводилъ справки о цѣнѣ на землю, о доходахъ съ нея, о системахъ полеводства, о томъ, насколько та или другая земля была въ состояніи прокормить хозяина и проч. Все это тщательно записывалось, и скоро передъ Вобаномъ встала во всемъ своемъ безобразіи картина положенія Франціи, которую мы попытались изобразить выше. Онъ сталъ писать мемуары и представлять ихъ власть имущимъ. Въ нихъ онъ затрогиваетъ самые разнообразныя вопросы ¹⁾. Тутъ государственная экономія и супъ для солдатъ; военные расходы и машины для опрѣсненія водъ; отмѣна Нантскаго эдикта и рѣчное судоходство; есть даже мемуары о гармоніи въ наукахъ и о безсмертіи души. А въ 1697 г., воспользовавшись перерывомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, наступившимъ послѣ Рисвикскаго мира, онъ основательно засѣлъ за дѣло, и къ началу 1699 г. *Projet d'une Dime Royale* былъ готовъ. Онъ сдѣлалъ двѣ копіи и препроводилъ одну королю, другую Шамильяру. Этотъ разъ дѣло обдѣлывалось подъ сурдинку. Два экземпляра были единственные, время военное, маршалъ нуженъ, такъ что особенныхъ гоненій ему претерпѣть не пришлось. Нѣкоторые даже сомнѣваются, читалъ-ли Людовикъ тогда-же его книгу. Конечно, на проектъ не обратили вниманія. Есть нѣкоторое основаніе думать, что эта маленькая неудача заставила Вобана задуматься о томъ, такъ-ли ужъ хорошъ Людовикъ. Раньше онъ произносилъ рѣчи, гдѣ уподоблялъ государя головѣ организма ²⁾. А въ 1704 г. онъ напи-

¹⁾ Одно поеречисленіе этихъ мемуаровъ занимаетъ 6 страницъ у Rochas *Pensées et mémoires politiques inédits de Vauban* (Journal des Economistes. 1882, mai. 171 — 176). Въ Москвѣ мы не могли достать ни одного изъ нихъ, кромѣ трехъ-четырехъ, напечатанныхъ въ этой статьѣ.

²⁾ Le prince est à l'Etat ce que la tête est au corps humain. Rochas. 172.

салъ статейку, гдѣ высказывалъ нѣсколько странныхъ для него мыслей. Одинъ параграфъ гласитъ: *excellent moyen de rendre les rois savants*; въ другихъ трактуетъ вопросъ, когда король можетъ оказаться на высотѣ своего призванія и высказывается нѣсколько соображеній, довольно нелестныхъ для придворныхъ и фаворитовъ ¹⁾). Однако, какъ видно, разочарованіе въ Людовикѣ только поколебало, а не измѣнило его политическія воззрѣнія. Перемѣнъ въ *Dîme* онъ не внесъ, и она оставалась для людей, которымъ несправедливости порядка приносили прямую выгоду, наглымъ вмѣшательствомъ въ сферу неподлежащаго вѣдомства и произведеніемъ поистинѣ революціоннымъ. Такъ и былъ поставленъ вопросъ, когда, вернувшись въ началѣ 1707 г. изъ поѣздки по сѣвернымъ крѣпостямъ, больной и негодный больше въ полѣ, маршалъ вздумалъ напечатать свою книгу секретнымъ образомъ въ Руанѣ. Распространять ее въ большой публикѣ онъ не думалъ; его намѣреніе было раздать нѣсколько экземпляровъ вліятельнымъ людямъ, чтобы обратить ихъ вниманіе на положеніе народа. Но эффектъ получился совершенно неожиданный. Въ маленькой публикѣ Вобанъ сразу сдѣлался популярнымъ, но не такъ смотрѣли на дѣло Людовикъ и придворные. Маршалу, осыпанному чинами и благосклонностью короля, имѣть кромѣ того благородную душу и смѣлый умъ, оказывалось непозволительною роскошью. Канцлеръ Поншартрэнъ и начальникъ полиціи Аржансонъ, немедленно принялись за искорененіе вреда, причиненнаго государству появленіемъ книги Вобана. Нарядили частное собраніе у короля, куда были приглашены нѣсколько интендантовъ изъ пользовавшихся больше другихъ выгодами режима, — и книга была осуждена, безъ разговоровъ и преній, единогласно. У Вобана былъ произведенъ обыскъ, но предупрежденный заранѣе, онъ сумѣлъ скрыть оставшіеся экземпляры. Въ Бастилію онъ не попалъ только потому, что это было бы крупнымъ придворнымъ скандаломъ; но найденные экземпляры книги было приказано конфисковать и жечь. Когда Вобану былъ объявленъ приговоръ, онъ поникъ головой и долго не могъ сказать ничего. Казалось, раньше онъ все еще не могъ увѣровать въ невѣрность своего взгляда на короля и только теперь понялъ, гдѣ жилъ и кому служилъ. Въ корнѣ разстроенный организмъ не вынесъ крушенія идеаловъ, и 30-го марта 1707 года Вобанъ умеръ.

IV.

Когда возникаетъ вопросъ о генезисѣ теоретическихъ воззрѣній у такого практика до мозга костей, какимъ былъ Вобанъ, приходится дѣйствовать очень осторожно. Біографія не даетъ намъ никакихъ указаній относительно того, изучалъ-ли Вобанъ произведенія экономистовъ. Несомнѣнно одно, что Вобанъ былъ хорошо знакомъ съ книгой Буагильбера *Détail de la France*, появившейся за два года до *Dîme Royale* и находился подъ вліяніемъ экономическихъ взглядовъ ея автора. Въ *Dîme* ясно выраженъ разрывъ съ традиціей меркантилизма, но это, конечно,

¹⁾ Напечатанъ у Rochas подъ заглавіемъ: *Pensées d'un homme, qui n'avait pas grande chose à faire.*

не доказываетъ, что Вобанъ былъ знакомъ съ сочиненіями Бодэна, В. Петти, Норта, Локка и другихъ писателей, которые отступили отъ взглядовъ представителей меркантилизма. Вопросъ о зависимости отъ этихъ писателей пришлось бы поставить, если бы дѣло шло о Буагильберѣ. Вобанъ, если и обязанъ имъ чѣмъ-нибудь, то только черезъ посредство послѣдняго ¹⁾).

Но въ теоретическихъ воззрѣніяхъ Вобана безусловно есть и оригинальная сторона. Многіе принципы у него разработаны полнѣе и глубже, чѣмъ у Буагильбера; во многомъ онъ идетъ дальше въ построеніяхъ. Эту часть придется признать результатомъ его знакомства съ народнымъ бытомъ и условіями хозяйства во Франціи. У Вобана былъ дѣятельный умъ, привыкшій ко всякаго рода сложнымъ комбинаціямъ въ специальной сферѣ. Утилизируя математическій методъ въ примѣненіи къ экономическимъ условіямъ, онъ сумѣлъ сдѣлать нѣсколько существенныхъ обобщеній. Любопытно то, что въ вопросахъ, которые современная наука относитъ къ области политической экономіи, Вобанъ всецѣло подъ вліяніемъ Буагильбера; въ тѣхъ же, которые принадлежатъ вѣдѣнію ученія о финансахъ, онъ и оригиналенъ, и порою глубокъ. Проектъ финансовой реформы Буагильбера совершенно не затронулъ его; наоборотъ, Буагильберъ самъ заимствовалъ у Вобана идею десятины въ своемъ позднѣйшемъ трактатѣ ²⁾).

Такимъ образомъ, на первомъ планѣ стоитъ сравнительное изслѣдованіе теоретическихъ воззрѣній Буагильбера и Вобана, поскольку они выразились въ *Détail* и *Dîme*. Прочихъ произведеній Буагильбера намъ касаться не придется, потому что всѣ они явились послѣ 1704 г.

Взгляды Буагильбера въ *Détail* не опредѣлились еще такъ рѣзко, чтобы можно было говорить о его мѣстѣ и о его значеніи въ исторіи политической экономіи. Въ трехъ послѣдующихъ трактатахъ онъ ихъ развилъ, дополнилъ, и во многомъ отступилъ отъ нихъ. Для насъ *Détail* важна, какъ книга, несомнѣнно вліявшая на Вобана. Мы будемъ излагать только теоретическіе взгляды Буагильбера, оставивъ въ сторонѣ фактической аргументирующій аппаратъ и закончимъ свой очеркъ его проектомъ реформы ³⁾).

Земледѣліе и торговля—два сосца государства, изъ которыхъ истекаетъ его богатство. Деньги въ образованіи богатства страны не играютъ ровно никакой роли. Деньги не цѣнность сами по себѣ; это только непортящійся залогъ; если бы другіе предметы потребленія не страдали отъ времени, имѣли опредѣленную рыночную цѣну, если бы между ними не было различія въ степени совершенства, скрывающаго ихъ настоящую цѣнность, деньги потеряли бы свое значеніе и обмѣнъ сталъ бы производиться непосредственно, какъ въ первобытныя экономическія эпохи.

Богатство состоитъ въ возможности обезпечить себѣ жизнь, какъ въ необходимомъ, такъ и въ избыткѣ. Деньги тутъ только средство и путь къ достиженію, а истинная цѣль—полезные для жизни продукты. Такимъ

¹⁾ О названныхъ экономистахъ ср. Horn. L'économie politique avant les physiocrates. pp. 104--107.

²⁾ Factum de la France 1707 года.

³⁾ Boisguillebert. Détail de la France. I partie, ch. 1—3, 7. II p. ch. 9, 18—19. III p. ch. 1—9.

образомъ, страна, гдѣ однѣ только деньги, можетъ быть бѣдной, а та, гдѣ ихъ лишь немного—богатой. Что пользы во флотахъ, приносящихъ Испаніи перуанское золото, когда оно немедленно уйдетъ изъ страны въ обмѣнъ на предметы потребленія. А та страна, откуда вывозятся эти предметы, остается въ большей выгодѣ, потому что, разъ попавъ туда, деньги вступаютъ въ оборотъ и, благодаря связи съ мѣстнымъ потребленіемъ, производятъ все больше богатства. И чѣмъ больше онѣ циркулируютъ, тѣмъ больше отъ нихъ пользы странѣ. Чѣмъ же обусловливается ихъ циркулированіе? Потребленіемъ. Деньги—рабы потребленія. Лишь только оно ослабѣваетъ или прекращается, ослабѣваетъ и прекращается движеніе денегъ. Это прекращеніе знаменуетъ разореніе купца, промышленника, землевладѣльца. Потребленіе—ихъ доходъ. За отсутствіемъ потребленія, гибнетъ и доходъ. Сначала это отзовется на низшихъ классахъ, а затѣмъ его непременно почувствуютъ и высшіе, такъ какъ между всѣми классами государства существуетъ солидарность въ интересахъ.

Отсюда практическіе выводы. Чтобы государство было богаче, необходимо развивать потребленіе, необходимо, слѣдовательно, содѣйствовать развитію земледѣлія и торговли. Во Франціи дѣлается какъ разъ наоборотъ. Гонятся за деньгами, расплавляютъ версальскую утварь и губятъ налогами земледѣліе и торговлю. Теперь, говоритъ Буагильберъ, во Франціи, пожалуй, больше денегъ, да что толку, когда курсъ палъ на $\frac{1}{3}$ со временъ Генриха III, и то, что могло бы быть богатствомъ въ то время, не имѣетъ значенія теперь. Все это происходитъ потому, что лица, стоящіе во главѣ финансовой администраціи, ничего не смыслятъ въ наукѣ о государственномъ хозяйствѣ, заключающейся въ глубокомъ знаніи интересовъ земледѣлія и торговли и не понимаютъ, что развитіе народнаго богатства даетъ увеличеніе налоговъ.

Буагильберъ въ двухъ словахъ резюмируетъ свой проектъ реформъ: *Chemins libres et impôts justement répartis*, т. е. уничтоженіе питейныхъ акцизовъ и внутреннихъ таможенъ и устраненіе произвола въ распредѣленіи *taille*. Пусть бѣдные платятъ, какъ бѣдные, а богатые, какъ богатые.

Тутъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми положеніями Вобана и находимъ достаточно формулированнымъ его основной принципъ, что привилегіи въ налогахъ оказываются губительными даже для тѣхъ, кто ими пользуется. Тутъ же протестъ противъ смѣшиванія денегъ съ богатствомъ и высокая оцѣнка земледѣлія,—пункты, играющіе такую существенную роль въ системѣ Вобана.

Основа вобановой системы—справедливость, не занимаетъ никакого мѣста даже въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Буагильбера. Равенства въ обложеніи руанскій экономистъ требуетъ во имя пользы и государственной выгоды. У Вобана начало этическое. Это капитальное различіе между ними. Вобанъ—борецъ за народъ, оперирующій надъ экономическими отношеніями, но не усвоившій себѣ экономической точки зрѣнія; Буагильберъ—прямой предшественникъ фізіократовъ.

Поэтому мы съ полнымъ правомъ можемъ настаивать на независимости финансоваго проекта Вобана отъ построеній Буагильбера; оба они пришли къ одному и тому же выводу, но путемъ совершенно различныхъ

заклученій. Еще въ 1694 г., т. е. до появленія книги Буагильбера, Вобанъ написалъ мемуаръ, въ которомъ также предлагалъ проектъ реформы, основанной на принципѣ справедливости; онъ предлагалъ ввести тогда поголовную подать, которая облагала бы всѣ виды доходовъ, кромѣ дохода съ торговли и отъ которой никто не былъ бы свободенъ. Препровождая этотъ мемуаръ къ генеральному контролеру Лепеллетье, Вобанъ пишетъ, между прочимъ: «Я вижу только одну вещь, болѣе подходящую, чѣмъ предлагаемая. Это—королевская десятина на доходы всякаго рода».

Въ 1695 г. явилась поншартрэнговская *capitation*, въ принципѣ, какъ будто, осуществлявшая взгляды Вобана, но примѣненіе ея очень быстро успѣло разочаровать всѣхъ, и въ концѣ 1695 г. Вобанъ уже представлялъ новый мемуаръ. На этотъ разъ онъ заключалъ проектъ упорядоченія *taille réelle*. По этому проекту уничтожались *taille personnelle, tail lon, aides, capitation*, но сохранялись: *gabelle* въ половинномъ размѣрѣ, внѣшнія таможенные пошлины также съ пониженнымъ тарифомъ, доходы съ королевскихъ доменовъ и вообще все, что можетъ быть названо неподвижнымъ доходомъ (*révenu fixe*)¹⁾.

Такимъ образомъ, идеи, формулированныя въ *Dîme Royale*, между ними принципъ равенства передъ закономъ, начали складываться у Вобана давно. Очевидно, что схема ихъ была ему подсказана жизнью; только подъ вліяніемъ финансовой политики правительства и нѣкоторыхъ теоретическихъ соображеній, заимствованныхъ у Буагильбера, онѣ мѣнялись, пока не отлились въ ту форму, въ какой мы ихъ знаемъ по *Dîme Royale*.

Она явилась въ 1699 году. Книгѣ предпослано введеніе, гдѣ указываются слабыя стороны всѣхъ существующихъ системъ обложенія и дѣлается попытка указать въ общихъ чертахъ преимущество передъ ними королевской десятины. Вотъ главныя²⁾: требуетъ меньше людей при взиманіи; она проще всѣхъ остальныхъ; она вызоветъ меньше волненій при сборѣ; она не ограничиваетъ королевской власти; прекращаетъ зависимость короля отъ таможенныхъ чиновниковъ. «Такъ какъ, — прибавляетъ онъ, — всѣ эти качества десятины указаны вѣрно, а также указаны вѣрно недостатки прочихъ системъ, то я не вижу причинъ, почему его величеству не отдать ей предпочтенія передъ другими, разъ она безконечно превосходитъ ихъ обиліемъ доставляемыхъ суммъ, простотой, справедливостью въ распредѣленіи и невозможностью связать съ нею злоупотребленія».

Представляются двѣ возможности: либо согласиться съ этой тирадой всецѣло и увѣровать во всѣ совершенства вобановой десятины; либо признать, что если она и превосходитъ другія системы обложенія, но представляется далеко не такой неуязвимой, какъ представлялъ ее себѣ Вобанъ. Что вѣрнѣе, покажетъ разсмотрѣніе проекта.

Система покоится на слѣдующихъ общихъ положеніяхъ³⁾: ясно само по себѣ и признано всѣми культурными народами, что подданные госу-

¹⁾ Къ сожалѣнію, у насъ подъ руками не было ни того, ни другого мемуара. Содержаніе перваго мы почерпнули у Мишеля, — другой резюмировали по подробному заглавію, приведенному Rochas (Journ. des Economistes. 1882, mai, 172).

²⁾ *Dîme Royale* 41—42 (Всѣ цитаты по изд. Daire).

³⁾ *Dîme* 47—48.

дарства нуждаются въ его защитѣ и не могутъ безъ нея существовать. Ясно затѣмъ, что государство не можетъ оказывать защиты подданнымъ, если они не будутъ доставлять ему средства. Слѣдовательно, подданные обязаны платить государству, при томъ платить пропорціонально своему доходу или своимъ промышленнымъ способностямъ; никто не можетъ быть избавленъ отъ этой обязанности, если только онъ подданный государства. Поэтому, всякая привилегія, стремящаяся изъять кого-нибудь отъ уплаты налоговъ—несправедлива, составляетъ злоупотребленіе и не должна существовать въ ущербъ интересамъ народа.

Вобанъ вслѣдъ за Буагильберомъ возстаетъ противъ отождествленія богатства страны съ избыткомъ денегъ и опредѣляетъ его, какъ обиліе предметовъ потребленія. Франція богата, но ея богатства разрушаются войною и системою хозяйства. Плохой участокъ земли ничѣмъ не отличается отъ хорошаго, если послѣдній остается безъ обработки¹⁾, а обработка является не только бесполезной, но и разорительной, потому что за отсутствіемъ потребленія не окупаются издержки. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе причинъ этой неурядицы и повторяются филиппики противъ налоговъ. Изъ этихъ причинъ Вобанъ особенно останавливается на *affaires extraordinaires*, не разобранныхъ у Буагильбера. Затѣмъ предлагается реформа. Проектируемая система должна состоять изъ четырехъ фондовъ, или источниковъ.

Первый изъ нихъ заключается въ налогѣ натурой, взимаемомъ со всякихъ земельныхъ продуктовъ: хлѣба, вина, лѣса, луговъ, пастбищъ и т. п. Этотъ фондъ долженъ замѣнить главнымъ образомъ *taille, aides*, внутреннія таможи. Вобанъ говоритъ, что онъ колебался въ выборѣ между своей *dîme* и двумя другими налогами: *taille réelle* и *vingtième*. Но для всякаго земельного налога требуется кадастръ. Его устроить трудно и стоитъ онъ дорого, да онъ притомъ имѣетъ лишь преходящее значеніе, потому что ежегодно доходность земли мѣняется. Поэтому въ этихъ случаяхъ невозможно выдержать принципъ пропорціональности распредѣленія. Въ десятинѣ же пропорціональность явится сама собою. Хороша земля—приноситъ много, плоха—приноситъ мало. Отъ качества земли и будетъ зависѣть величина доли, отчисляемой въ пользу государства, т. е. десятины: въ первомъ случаѣ она будетъ больше, во второмъ—меньше, и ужъ, конечно, это всегда будетъ пропорціонально доходности. Такъ какъ далѣе не окажется необходимости во всемъ штатѣ чиновниковъ, то прекратятся раздоры въ приходѣ; съ устраненіемъ произвола явится возможность держать инвентарь безъ опасенія оцѣнки дохода по внѣшнимъ, крайне обманчивымъ признакамъ; за отсутствіемъ внутреннихъ таможенъ оживится торговля. Затрудненія, которыя, повидимому, представляются при сборѣ десятины, только кажущіяся; ихъ никогда не бываетъ меньше при сборѣ *taille*. Десятину даже можно собрать скорѣе. Собирающему при этомъ нѣтъ необходимости дѣлать предварительныя затраты, кромѣ расходовъ по сбору, значительно уступающихъ прежнимъ. Необходимо будетъ выстроить амбары, но и это въ сущности пустой расходъ, и, конечно, король легко найдетъ и откупщиковъ, и ихъ помощниковъ. Народъ она не застанетъ неподготовленнымъ, по-

¹⁾ Срав. Boisguillebert. *Détail de la France* II 9.

тому что онъ издавна платитъ церковную десятину. Первый фондъ, при самомъ скромномъ разчетѣ, считая ее за двадцатую часть продуктовъ, дастъ 60 мил. ливровъ ¹⁾).

Но было бы несправедливо заставить платить только ту часть народонаселенія, которая подходитъ подъ первую рубрику. Остается масса лицъ, которая пользуется доходами, а между тѣмъ была бы изъята отъ налога. Для избѣжанія этого долженъ быть установленъ второй источникъ десятины — доходъ всякаго рода. Платить, какъ и въ первомъ случаѣ, должны опять таки всѣ, начиная отъ принцевъ крови и кончая поденщиками, потому что у всѣхъ есть какая-нибудь доходная статья, иного рода, чѣмъ перечисленные въ первомъ источникѣ. Сюда относятся: дома, мельницы, судна всякаго рода, пенсіи, жалованія, доходы съ должностей съ процентныхъ бумагъ, торговля, заработная плата. Для того, чтобы не скрывали своихъ доходовъ, надо издать ордонансъ, который пригрозилъ бы отнять необъявленный источникъ; а чтобы угроза была дѣйствительна и приводила къ желаннымъ результатамъ, надо привести и нѣсколько разъ въ исполненіе. Обложенію подлежитъ какъ рента, такъ ее прочіе виды дохода. Вобанъ особенно внимательно останавливается на рентахъ ²⁾). Ренты бываютъ двухъ сортовъ: сенъеральная рента и рента въ видѣ твердаго дохода, извлекаемаго изъ того или иного помѣщенія капитала. И тотъ, и другой видъ облагаются десятиной. Арендаторъ земли у сенъера, при уплатѣ своей десятины, вноситъ и десятину съ ренты сенъера; эта часть вычитается изъ арендной платы; точно также владѣлецъ имѣнія, заложенного за извѣстную сумму, при вносѣ своей десятины, выплатитъ десятину съ процента на занятый капиталъ. Необходимо только оговорить въ какомъ-нибудь манифестѣ, что выплата десятины съ какой бы то ни было ренты производится не рантъе, а должникомъ или арендаторомъ.

Затѣмъ идетъ попытка вычислить, сколько можетъ дать казнѣ второй источникъ десятины. Послѣ подробнаго перечисленія всѣхъ указанныхъ выше статей обложенія, Вобанъ, предполагая опять минимальный счетъ и беря двадцатую, устанавливаетъ цифру 15 мил. съ лишнимъ ³⁾).

Вобанъ не внесъ *gabelle* въ число налоговъ, подлежащихъ отмѣнѣ. Онъ только проектируетъ ея реформу. Какъ помнятъ читатели, Франція дѣлилась на нѣсколько частей по отношенію къ соляному налогу, причемъ, такъ называемыя *pays de grande* или *de grasse gabelle* были обложены несравненно тяжелѣе, чѣмъ другія. Вобанъ требуетъ отмѣны этого неравенства. Онъ думаетъ, что легко будетъ уравнивать всѣ земли

¹⁾ Dime. 57—71. Вычисления Вобана мы приводимъ лишь для полноты; они крайне гадательны, потому что основаны на невѣрномъ разчетѣ. Ниже объ этомъ будетъ сказано подробнѣе.

²⁾ Съ точки зрѣнія современной науки въ его разграниченіи понятія дохода и классификаціи статей обложенія много путаницы; но не надо забывать, что ученіе о распредѣленіи было въ то время однимъ изъ наименѣе разработанныхъ отдѣловъ политической экономіи.

³⁾ Dime. 71—92. Особенно интересны его соображенія относительно обложенія заработной платы. Вобанъ какъ бы колеблется; онъ выдерживаетъ свой принципъ, хотя на практикѣ ограничиваетъ его. Онъ даетъ рабочимъ право раскладки налога между собою и понижаетъ тарифъ до $\frac{1}{30}$ дохода. Очевидно, мысль объ Existenz minimum'ѣ являлась ему въ смутной формѣ, но онъ не сумѣлъ проформулировать ее для себя съ достаточной опредѣленностью.

государства по отношенію къ соляному налогу, если будутъ отмѣнены остальные и останется одна десятина. Несправедливо нарушать интересы одной части населенія изъ за благосостоянія другихъ. Затѣмъ, король долженъ скупить всѣ соляные источники и охранять ихъ такъ, чтобы не могло быть расхищеній. Тутъ же слѣдуетъ построить склады для оптовой торговли. Всякій можетъ покупать соль, причѣмъ не должно быть никакихъ стѣсненій. Для приморскихъ городовъ, гдѣ много соли идетъ на соленіе рыбы, цѣна ея должна быть понижена. На время войны тарифъ можно поднять. Доходъ съ соли, третьяго фонда налога—23 мил. съ лишнимъ ¹⁾).

Четвертый источникъ Вобанъ называетъ *révenu fixe*, недвижимымъ доходомъ, потому что его составныя части, какъ онъ предполагаетъ, почти всегда останутся одними и тѣми же. Этихъ составныхъ частей очень много. Вобанъ дѣлитъ ихъ на три группы. Въ первую входятъ домены и случайные доходы: пошлины за отчужденіе сенъеральныхъ земель, штрафы, призовое право, конфискація, продажа лѣсовъ, гербовая бумага, контроль, почтовый доходъ съ уменьшенной въ три раза таксой. Во вторую—пограничныя таможи, какъ морскія, такъ и сухопутныя, съ такой таксою, чтобы не убить заграничнаго спроса, поддерживающаго туземную промышленность. Третью группу составляютъ, какъ выражается Вобанъ, добровольные налоги, которые платятъ только тѣ, кто хочетъ, и которые, въ сущности, не что иное, какъ пеня за ихъ любовь къ роскоши, невоздержанность и тщеславіе. Тутъ налоги на табакъ, водку, чай, кофе, шоколадъ, на пышную мебель, на золоченыя кареты, на громадные парики. Тутъ-же въ заключеніе сборъ съ распивочной продажи въ кабакахъ. Эта часть должна дать 18 мил. ливровъ ²⁾).

Итакъ, общая цифра королевской десятины должна равняться 116.822,500 ливровъ, считая по двадцатой первые два источника и по 18 ливровъ мино ³⁾ соли. Если мы доведемъ первые два фонда до десятой части и цѣну соли до 30 ливровъ, то доходъ увеличится до 215.649,000 ливр. Выше этого предѣла королевская десятина не должна быть, но въ то же время надо съ осторожностью и приближаться къ отождествленію десятины съ десятой частью дохода, потому что это значило бы обложеніе по 4 су съ ливра, что вмѣстѣ съ 2 су сенъеральныхъ повинностей и церковной десятины составитъ 6 су съ ливра и плательщику останется всего 14 су на пропитаніе и издержки производства. Это несомнѣнно поведетъ къ разоренію народа, особенно той его части, которая живетъ заработкомъ своихъ рукъ и ремеслами ⁴⁾).

Со введеніемъ десятины, экономическая картина страны должна совершенно измѣниться. Легко будутъ погашены государственные долги; поднимутся цѣны на землю; увеличатся доходы короля и частныхъ лицъ; возрастетъ народонаселеніе, потому что питаніе дѣтей будетъ лучше; бѣдность и нищета будутъ изгнаны изъ государства; оживится какъ внѣшняя, такъ и внутренняя торговля; иностранцы явятся со спросомъ на товары

¹⁾ Dime. 92—98.

²⁾ Dime. 99—101.

³⁾ Немного больше 5 декалитровъ.

⁴⁾ Dime. 101—105.

туземнаго производства; такъ какъ благосостояніе народа повысится, то онъ легко будетъ оказывать поддержку предпріятіямъ государственной важности — фортификаціоннымъ работамъ, укрѣпленію портовъ, осушкѣ болотъ, и т. д. ¹⁾).

Но хотя польза десятины можетъ быть доказана, какъ геометрическая теорема, тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы она не была введена сразу, потому что съ непривычки народъ будетъ оказывать противодѣйствіе реформамъ. Постепенное приученіе къ ней различныхъ классовъ населенія устранить и это затрудненіе ²⁾).

Книга кончается «тайными доводами» противъ системы. Вобанъ предполагалъ, что обстоятельства, о которыхъ онъ догадывался, будутъ значительно тормозить дѣло реформы. Дѣйствительно, тутъ предусмотрѣнъ скрежетъ зубовой всѣхъ власть имущихъ, вой интендантовъ, подобострастіе, которое не позволитъ высказаться за справедливый проектъ передъ глазами несправедливаго начальства, полнѣйшее равнодушіе къ народнымъ бѣдствіямъ, корысть, лѣнь, страхъ, невѣжество ³⁾).

Вобанъ былъ правъ. Оппозиція власть имущихъ и индифферентность массы—двѣ главныя причины, воспрепятствовавшія проведенію въ жизнь его системы, воспрепятствовавшія во Франціи, при Людовикѣ XIV. Но это вовсе не «доводы противъ системы десятины». Если такіе доводы существуютъ, то они будутъ препятствовать практическому осуществленію проекта, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было. Интенданты могутъ оказывать всякаго рода содѣйствіе введенію ея, откупщики могутъ предлагать различныя услуги, масса можетъ относиться съ величайшимъ участіемъ къ ней, и она все-таки провалится. Такіе доводы дѣйствительно существуютъ, но они совершенно въ другомъ духѣ. Общая оцѣнка вобановой системы покажетъ, гдѣ надо искать слабаго пункта въ его воззрѣніяхъ.

V.

Нѣкоторые экономисты, какъ Леонъ Сэ ⁴⁾, высказываютъ то мнѣніе, что *Dîme* Вобана не имѣла теоретическаго характера, а была вызвана лишь желаніемъ прекратить дефекты существующаго порядка обложенія. Въ такихъ замѣчаніяхъ всегда кроется нѣкоторое недоразумѣніе. Конечно, Вобанъ не думалъ писать диссертацию для представленія въ Академію; несомнѣнно, что главная цѣль его была облегчить нужды многострадальнаго крестьянина. Но, во-первыхъ, его проектъ и его требованія держались на извѣстныхъ теоретическихъ принципахъ, во-вторыхъ, критика господствующей финансовой системы вела къ установленію извѣстныхъ теоретическихъ положеній. Если разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ Сэ, то придется признать, что и *Détail* и *Factum* Буагильбера не имѣютъ теоретическаго характера, что его лишены и главные труды фізіократовъ. Между тѣмъ, никто, конечно, не рѣшится отрицать, что Буагильберъ постоянно руководился на

¹⁾ *Dîme*. 105—106.

²⁾ *Dîme*. 107—108.

³⁾ *Dîme*. 151—152.

⁴⁾ L. Say. *Les solutions democratiques de la question de l'impôt*, t. I, p. 63.

блюденіями жизни, а М. М. Ковалевскій ¹⁾ съ полною ясностью показалъ, что теоріи фізіократовъ отвѣчали прямо на вопросы, поставленные экономической практикой стараго порядка. Такимъ образомъ, разборъ Вобана, какъ разборъ Буагильбера и фізіократовъ, возможенъ только съ точки зрѣнія его общихъ положеній.

Раньше на вобановскую десятину смотрѣли, какъ на единый налогъ ²⁾. Вобанъ, правда, старался по возможности упростить свою систему; это соответствовало двумъ пунктамъ его программы: сокращенію расходовъ по сбору и освобожденію отъ посредничества арміи чиновниковъ. Но ограничить дѣло однимъ налогомъ значило бы для него допустить противорѣчіе съ началомъ справедливости, и мысль о единствѣ была оставлена. Рядомъ съ центральнымъ налогомъ, доставляющимъ больше 50% суммы обложенія, были предположены дополнительные, прямые и косвенные. Между тѣмъ, извѣстныя намъ системы одинаго налога такихъ ограниченій не допускаютъ. Фізіократы, напримѣръ, смотрѣли на всякій дополнительный сборъ, какъ на *double emploi*, двойной поборъ, противъ основного налога на земельную ренту ³⁾. Точно также дѣло обстоитъ и для новѣйшаго апостола одинаго налога, Генри Джорджа, хотя его *single tax* покоится на нѣсколькихъ иныхъ соображеніяхъ, чѣмъ проектируемый фізіократами ⁴⁾. Ясно, слѣдовательно, что у Вобана нѣтъ полнаго единства обложенія. «Есть,—какъ справедливо замѣчаетъ Сэ ⁵⁾,—единство въ принципѣ, но нѣтъ его въ примѣненіи».

Однако, центральный налогъ у Вобана есть. Онъ, какъ мы видѣли, долженъ давать государству больше половины суммы обложенія; прочіе налоги только дополняютъ его. Это—налогъ натурой съ земельныхъ продуктовъ. Осуществимъ-ли онъ? А если и осуществимъ, то достигаетъ-ли намѣченныхъ цѣлей, даетъ-ли пропорціональность? Буагильберъ ⁶⁾ сильно сомнѣвается въ первомъ. По его мнѣнію, примѣненіе на практикѣ десятины натурой повело-бы къ многочисленнымъ затрудненіямъ. Едва-ли найдется откупщикъ, который согласился-бы взять на себя взиманіе налога, если ему при этомъ не обезпечить складовъ или амбаровъ для всѣхъ земельныхъ продуктовъ; кромѣ того, обязательство во время представить собранное и требовать податей у всѣхъ привилегированныхъ, доселѣ свободныхъ отъ нихъ, не придастъ интереса обязанностямъ откупщиковъ. Да, наконецъ, куда было дѣвать государству все собранное такимъ образомъ? Одного хлѣба тутъ было, по вычисленіямъ Буагильбера, 2 милл. мюидовъ, т. е. около 38 милл. гектолитровъ. Это затрудненіе капитальное.

Есть еще одно возраженіе противъ десятины, возраженіе гораздо болѣе серьезное, чѣмъ только что приведенное. Вобанъ облагаетъ земельный доходъ въ его реальномъ видѣ, немедленно послѣ сбора; при томъ онъ облагаетъ не чистый доходъ, а валовой. Между тѣмъ одна изъ аксіомъ финансовой науки заключается въ томъ, что «налогъ не можетъ падать

¹⁾ Происхожденіе современной демократіи, т. I, кн. 3.

²⁾ Ср. напр. Blanqui. Histoire de l'économie politique. 1882—p. 273.

³⁾ Ковалевскій. Ibid. 503—520.

⁴⁾ Г. Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. 307—356.

⁵⁾ Say. Les solutions démocratiques; t. I, p. 100.

⁶⁾ Boisguillebert. Factum de la France. p. 339. (Ed. Daire).

на валовой доходъ, ибо при значительности своего оклада, онъ можетъ легко задѣть и ту часть дохода, которая предназначена на покрытие издержекъ производства и которая, въ сущности, есть тотъ-же возродившійся въ иной формѣ капиталъ»¹⁾). Пропорціональность, правда, была выдержана, но сохранялись, какъ и естественно, только по отношенію къ валовому доходу, а не къ чистому.

Легко указать на источникъ ошибки Вобана. Онъ заимствовалъ свою форму обложенія у католической церкви. *Dîme ecclésiastique* была именно налогомъ натурой. Но церковная десятина можетъ быть объяснена и психологически, и исторически. Во-первыхъ, церковь мало заботилась объ интересахъ облагаемыхъ: аббаты и епископы умѣли говорить только красивыя проповѣди о справедливости. А во-вторыхъ — и это главное — церковная десятина возникла въ древности²⁾, когда разница между валовымъ и чистымъ доходомъ, при незначительности издержекъ, была почти совершенно нечувствительна; изъ вѣка въ вѣкъ десятина продолжала вѣдаться неизмѣнно по традиціи; и конечно, никому въ голову не приходило подумать объ ея реформѣ. А при Вобанѣ земледѣліе уже оказало большіе успѣхи; это показываетъ его быстрое возрожденіе послѣ Утрехтскаго мира, когда гнетъ налоговъ и солдатчина сдѣлались полегче.

По мысли Вобана облагается не одинъ только земельный доходъ, а по возможности всякій. Въ этомъ пунктѣ взгляды Вобана несравненно шире, чѣмъ возрѣнія фізіократовъ, увлекавшихся землей и ограничившихъ рентой съ нея статьи обложенія. Ихъ взгляды очень скоро оказались совершенно неосновательными, и единый налогъ былъ жестоко высмѣянъ Вольтеромъ въ его «*Homme à quarante écus*». Такимъ образомъ, принципъ справедливости, принципъ, въ сущности чуждый хозяйственнымъ наукамъ, сдѣлалъ Вобана гораздо болѣе проницательнымъ въ сравненіи съ такими глубокими мыслителями, какъ Кенэ и Тюрго. Но второй источникъ вобановой десятины также не лишенъ недостатковъ. Вобанъ предполагаетъ организацію оцѣночной комиссіи изъ людей «съ добрыми намѣреніями, способныхъ, хорошо освѣдомленныхъ относительно замысловъ короля и хорошо оплачиваемыхъ», которая составляла-бы всюду податные списки. Нужно-ли говорить, что это вновь повело-бы ко всѣмъ злоупотребленіямъ старой системы *taille personnelle*, что возобновились-бы кумовство, явились-бы снова подкуны и задабриванія и вмѣсто прежнихъ ненормальностей родились-бы новыя. Всѣ эти недоразумѣнія въ системѣ произошли оттого, что Вобанъ допустилъ отклоненіе отъ разъ принятаго принципа реальности и попытался сдѣлать объектомъ обложенія доходы съ торговли, ремесла и т. п. Опредѣленіе истинной цифры дохода до сихъ поръ составляетъ одно изъ главныхъ препятствій для введенія общаго подоходнаго налога, какъ основного средства обложенія. Ни личная декларация, ни оцѣночныя комиссіи не достигаютъ цѣли. Вобанъ-же притомъ, думая такъ легко разрѣшить дѣло, надѣялся не на людскую порядочность, какъ показываетъ упоминаніе объ угрозахъ, а на правитель-

¹⁾ Янжуль. Основныя начала финансовой науки. Изд. 1895 г. стр. 213.

²⁾ Она начинается съ VIII в. Ср. Clamagérant. Histoire de l'impôt en France. t. 1. 175.

ственный контроль. Члены его комиссіи со столькими похвальными эпитетами, въ сущности, тѣ-же чиновники. А какъ на нихъ можно было надѣяться, мы знаемъ по филиппикамъ самого Вобана и проклятіямъ его единомышленника въ этихъ вопросахъ, Буагильбера.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ *Détail* Буагильбера, Вобанъ сохраняетъ соляной акцизъ, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ. Въ качествѣ аргумента въ пользу оставленія этого налога, онъ приводитъ тотъ фактъ, что соль—наиболѣе удобный для обложенія продуктъ: богатый, у котораго много прислуги, купитъ больше, бѣднякъ—меньше. Быть можетъ, замѣтимъ кстати, въ требованіи Вобана понизитъ акцизъ для той соли, которая идетъ на соленіе рыбы, можно видѣть начало современнаго намъ изъятія этой соли отъ налога во Франціи.

Наконецъ, отмѣтимъ то разграниченіе, которое дѣлаетъ Вобанъ между напитками. Вино у него свободно отъ акциза, *aides* уничтожены, а водка обложена; кромѣ того, въ кабакахъ проектируется налогъ на распивочную продажу какихъ-бы то ни было напитковъ, хотя-бы вообще они были изъяты отъ обложенія. Принципъ ясенъ—облагается только потребленіе напитковъ въ видахъ пьянства. Указанное разграниченіе вошло во всѣ дѣйствующія финансовыя системы и принадлежитъ самому Вобану ¹⁾.

Буагильберъ въ письмѣ къ Шамильяру ²⁾ назвалъ проектъ Вобана «смѣшнымъ и невозможнымъ на практикѣ». Однако въ своемъ *Factum de la France* онъ, предлагая реформы, заимствуетъ у Вобана идею десятины, хотя и измѣняетъ ее. У него она сливается съ *capitation*, существуетъ при полномъ дѣйствіи прочихъ налоговъ и утрачиваетъ натуральный характеръ. Проектъ Буагильбера, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на Демаре, когда онъ въ 1710 году создалъ свою *dixième*. Въ ней сохраненъ основной вобановскій принципъ—равенство всѣхъ передъ налогомъ ³⁾, но удержаны тѣ измѣненія, которыя внесъ Буагильберъ.

Такимъ-же отраженіемъ идей Вобана былъ извѣстный подоходный налогъ Машо, который замѣнилъ было одно время *taille*. Но и собственный проектъ Вобана—налогъ натурой—не остался безъ вліянія на финансовую политику Франціи. Эдиктъ 5-го іюня 1725 года попытался реализовать натуральный налогъ подъ названіемъ *cinquantième*, но ужъ въ іюнь слѣдующаго года его пришлось отмѣнить, такъ какъ возникло много трудностей по сбору ⁴⁾.

Хотя основные теоретическіе взгляды Вобана, напр. о вредѣ косвенныхъ налоговъ, о значеніи денегъ, о роли земледѣлія, о свободѣ торговли и заимствованы у Буагильбера, но за книгой Вобана нельзя не признать значенія большого шага въ дѣлѣ популяризаціи противомеркантистскихъ теорій. *Dîme*, во-первыхъ, по ясности и простотѣ далеко превосходитъ неудобочитаемыя сочиненія Буагильбера; а кромѣ того и имя автора за-

¹⁾ Fournier le Flaix. La réforme de l'impôt en France. t. 1. p. 121.

²⁾ Horn. О. с. 294.

³⁾ Правда, духовенство, нѣкоторые города и корпораціи откупились отъ новаго налога, но это не имѣетъ принципиальнаго значенія. Идея Вобана нашла себѣ полное примѣненіе. Histoire générale par Lavisse et Rambaud. t. VI, p. 245 (art. p. Levasseur).

⁴⁾ Stourm. Les finances de l'ancien régime et de la Révolution. t. I. p. 118—119.

ставляло интересоваться книгой. Вобана въ XVIII в. читали гораздо больше, чѣмъ Буагильбера.

Что-же касается до проекта финансовой реформы, предложенной Вобаномъ, она, несомнѣнно вѣрная въ принципѣ—равенство всѣхъ передъ налогомъ, — содержитъ много недостатковъ и, какъ показалъ опытъ, рѣшительно неосуществима. Но и тутъ работа Вобана не прошла даромъ.

Онъ ввелъ экспериментальный статистическій методъ изслѣдованія въ сферу экономическихъ явленій. До него собраніе данныхъ было совершенно неизвѣстно. Для этого не было ни людей, ни учреждений. Конечно, въ интендантскихъ архивахъ хранились всякіе отчеты и документы, необходимые при сборѣ налоговъ. Но естественно, что этихъ бумагъ никто не думалъ издавать, такъ какъ предавать гласности заключающіеся въ нихъ факты, значило дискредитировать себя во мнѣніи всѣхъ понимающихъ людей. Человѣкъ, не принадлежащій къ администраціи, не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о фактахъ обложенія и не могъ никогда ихъ добыть. Само собою разумѣется, что бюджетная отчетность отсутствовала¹⁾. Вобанъ на собственные средства велъ всю эту работу, нанималъ людей, организовалъ своего рода бюро и т. д. Его книга, особенно вторая часть ея, изобилуетъ таблицами, составленными замѣчательно умѣло и добросовѣстно. Тутъ діаграммы по вопросамъ народонаселенія, вычисленія всякаго рода доходовъ, нѣсколько таблицъ десятины, безконечно варьируемой, и масса болѣе мелкихъ выкладокъ. Математикъ сказался въ немъ, и его вѣра въ неопровержимость его теоріи, которая бьетъ наружу съ каждой страницы его книги и даетъ его аргументаціи силу убѣжденности, въ значительной степени держится на вѣрѣ въ непогрѣшимость цифръ. Приемы его новы и оригинальны, но не безукоризненны; его выкладки не всегда могутъ быть приняты за фактическія указанія; часто въ нихъ заключаются грубыя ошибки. Укажемъ здѣсь одну изъ главныхъ, раскрытую Моро де Жоннесомъ²⁾. Сравнивая земельный доходъ съ одного квадратнаго лье, въ различныхъ мѣстахъ Франціи, Вобанъ устанавливаетъ среднюю цифру и множитъ ее на 30,000, предполагаемую имъ величину Франціи въ квадратныхъ лье. Получается цифра гораздо больше настоящей. Источниковъ ошибки два. Во-первыхъ, размѣръ территоріи взятъ не вѣрно. Вмѣсто 30,000 надо было принять ее за 25,623 кв. лье. Во-вторыхъ, изъ этого пространства надо было вычесть одну пятую, падающую на непроизводительную землю: дороги, воды, пустоши и т. д. Эта послѣдняя поправка была указана самимъ Вобаномъ³⁾, но почему-то не нашла себѣ мѣста въ его выкладкахъ. Такія обстоятельства, однако, вовсе не умаляютъ значенія работъ Вобана. Его показанія цѣнны, какъ наблюденія трезваго практика; правда, это наблюденія глазомѣрные по преимуществу, но какъ часто подтверждались данныя Вобана! Исторія должна считаться съ подобными работами. Приемы Артура Юнга еще болѣе примитивны, чѣмъ приемы Вобана; достаточно сказать, что между ними фигурируетъ взвѣшивание картонныхъ отрѣзковъ карты Франціи. А между тѣмъ, ни одинъ

¹⁾ Journier le Flaix. La réforme de l'impôt en France. t. I. p. 100.

²⁾ Moreau de Jonnés. Etat économique et social de la France depuis 1589 jusqu'à 1715. p. 240—241.

³⁾ Оіме. 71.

историкъ стараго порядка не считаетъ себя въ правѣ обойти дневники Юнга. Таковы-же вычисленія знаменитаго Джона Локка, которыя онъ производилъ во время своего путешествія по Франціи въ 1677 году и которыя удовлетворяютъ даже взыскательнаго Моро де Жоннеса ¹⁾.

Но главная заслуга Вобана все-таки не научная, а социальная и политическая. Онъ одинъ изъ передовыхъ бойцовъ за обездоленную массу. Онъ среди полного расцвѣта абсолютизма поднялъ голосъ за народъ и рѣшился утверждать, что *тети peuple* — фундаментъ, на которомъ держится государство, что поэтому заботы всѣхъ государей должны быть направлены на поддержку этихъ классовъ населенія. Онъ требовалъ, чтобы бремя налоговъ не падало исключительно на нихъ, чтобы въ несеніи ихъ принимали участіе всѣ подданные государства, начиная съ дофина. Въ этой сферѣ его дѣятельность проникнута твердыми и послѣдовательными демократическими воззрѣніями, далеко опередившими вѣкъ ²⁾. Они были-бы своевременны въ 1789 году и повели-бы, быть можетъ, къ практическимъ результатамъ лишь въ 1848 году. Эти взгляды страннымъ образомъ вязались съ его политическими убѣжденіями, которыя поколебались лишь передъ самою его смертью. Для историка характерно и это колебаніе. И въ Вобанѣ мы всегда будемъ цѣнить фигуру, рѣдко появляющуюся въ исторіи и составляющую продуктъ такихъ переходныхъ эпохъ, какъ эпоха Людовика XIV, — фигуру вѣрноподданнаго колебателя основъ.

А. Дживелеговъ.

¹⁾ Moreau de Jonnés. O. c. 311.

²⁾ On peut sans craindre de se tromper le ranger parmi les democrates que le peuple et la democratie auraient pu prendre pour chef; il entreprenait de la conduire dans une voie qui était sure parce qu'elle était raisonnable et juste. Say. Les solutions. t. I. p. 81.

